
18+
Александр Шевец
Люди как люди
Сборник рассказов
32

Александр Шевец

Люди как люди

«Издательские решения»

Шевец А.

Люди как люди / А. Шевец — «Издательские решения»,

Мы встречаем их каждый день. В соседнем подъезде, на работе, в магазине, на улице. Они спорят из-за пустяков, обманывают себя, пытаются поступать правильно, ищут счастье и нередко оказываются совсем не теми, кем привыкли себя считать.В сборнике «Люди как люди» автор обращается к самым разным сторонам человеческой жизни. Здесь соседствуют сатира и драма, абсурд и повседневность, смешные недоразумения и истории с неожиданным, порой трагическим финалом.

© Шевец А.
© Издательские решения

Содержание

Преступление по накладной 6
Трое на природе 15
Порядочный человек 27
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Люди как люди

Александр Шевец

© Александр Шевец, 2026

ISBN 978-5-0071-7064-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Преступление по накладной

Чайник сломался в пятницу вечером, когда я наконец добрался до дома и собирался выпить кофе. Он привычно щёлкнул, загудел, а через несколько секунд погас, оставив меня с кружкой растворимого кофе и весьма неприятными подозрениями. Я ещё дважды попробовал его включить, проверил розетку и даже постучал по корпусу, хотя прекрасно понимал бессмысленность последнего действия. Чайник отслужил почти восемь лет и, видимо, решил, что с него хватит.

Я заказал новый через интернет, благо пункт выдачи находился недалеко от дома. Доставку обещали к десяти утра субботы, поэтому выходной представлялся мне вполне определённым: забрать покупку, зайти за продуктами, вернуться домой и до понедельника не иметь никаких дел с человечеством. За неделю работы в бухгалтерии я успевал так наговориться, что по субботам даже на телефон отвечал с некоторым неудовольствием.

В половине одиннадцатого я обнаружил на двери пункта выдачи объявление о техническом перерыве. Судя по помятой бумаге и следам старого скотча, перерыв продолжался не первый день. Под печатной надписью «ОТКРОЕМСЯ В 11:00» кто-то ручкой добавил «Если повезёт». Я посмотрел на часы и решил подождать. Возвращаться домой ради получаса было глупо, а торчать у закрытой двери оказалось занятием настолько увлекательным, что уже через десять минут я прочитал все объявления на соседнем подъезде, включая предложение купить гараж, написанное ещё в прошлом году.

В одиннадцать двадцать появилась девушка с большим стаканом кофе. Она молча отперла дверь, включила свет и жестом пригласила меня внутрь.

— Вы один сегодня? — спросила она, усаживаясь за компьютер.

— Пока да. Остальные, наверное, уже умерли от ожидания.

Девушка не улыбнулась. Вероятно, подобные шутки ей приходилось слышать чаще, чем мне хотелось бы.

— Код называйте.

Я продиктовал четыре цифры, получил картонную коробку и отправился домой. Уже на лестнице заметил, что покупка подозрительно лёгкая, но решил не придираться. Производители постоянно что-нибудь совершенствуют, а уменьшение веса электрочайника вполне могло оказаться очередным достижением технического прогресса.

Дома я разрезал скотч кухонным ножом, отогнул картонные створки и несколько секунд изучал содержимое. На самом верху лежала полосатая шапочка, под ней обнаружились накладные чёрные усы, пластмассовый револьвер и небольшой холщовый мешок с надписью «ДЕНЬГИ». Для полноты комплекта прилагались несколько пачек бутафорских купюр, перетянутых банковскими резинками. Я достал револьвер, повертел его в руках и заглянул в коробку ещё раз. Чайника там определённо не было.

Нельзя сказать, чтобы меня совсем не удивляли покупки через интернет. Однажды вместо набора отвёрток мне прислали женские тапочки сорок второго размера, но нынешняя ошибка выглядела куда интереснее. Я даже проверил историю заказов, опасаясь, что ночью каким-то образом оформил покупку реквизита для ограбления банка.

На дне коробки обнаружился лист бумаги с перечнем содержимого и телефоном получателя. Всё предназначалось детскому театру «Переполох» при Доме культуры «Маяк».

Я позвонил по указанному номеру. Ответили почти сразу, хотя женский голос явно обращался не ко мне.

— Костя, если ты ещё раз полезешь за занавес, я тебя самого к нему пришью! Алло, слушаю.

— Добрый день. У меня, кажется, ваши усы.

— Простите?

— И револьвер. Пластмассовый, — уточнил я, услышав в трубке подозрительное молчание. — Ещё шапочка, мешок с деньгами. Всё в одной коробке.

— Господи, нашлись! — Женщина облегчённо выдохнула, но тут же насторожилась: — Подождите, а у вас они откуда?

Я объяснил про заказ и ошибку при выдаче. Собеседница представилась Зоей Петровной, руководителем детского театрального кружка, и сообщила, что утром они тоже получили не ту посылку. Вместо реквизита им достался электрический чайник. Причём, как выяснилось, именно той модели, которую я заказал.

— Он у вас целый? — на всякий случай спросил я.

— Конечно, целый. Мы его даже не доставали. Костя хотел проверить, работает ли, но я не разрешила. У нас своих два, третий ставить некуда. Вы можете сейчас подъехать?

— А завтра нельзя? Я сегодня вообще-то собирался дома посидеть.

— Мужчина, у нас спектакль через сорок минут! Детям без реквизита выходить не с чем, а я уже весь Дом культуры на уши поставила. Выручайте, пожалуйста.

Я посмотрел на содержимое коробки. Сорок минут назад всё это не имело ко мне ни малейшего отношения. Теперь же выходило, что где-то в трёх остановках от моего дома дети рискуют остаться без премьеры из-за чужой ошибки. В принципе, можно было предложить Зое Петровне самой приехать за реквизитом, однако её голос не оставлял сомнений: отлучиться она сейчас не сможет.

— Ладно, — согласился я. — Адрес говорите.

— Записывайте. Улица Строителей, дом восемнадцать. Только заходите со двора, там служебный вход. И спросите Зою Петровну, меня все знают.

Я записал адрес на обороте чека, сунул коробку в пакет и отправился спасать детское искусство.

За порогом меня встретил дождь. Причём не тот мелкий осенний дождичек, под которым можно спокойно гулять, а настоящий ливень, быстро превращающий тротуары в мелкие озёра. Зонт остался дома, поскольку утром небо было совершенно ясным. Возвращаться за ним я не стал, надеясь успеть на автобус, который как раз показался из-за поворота.

Водитель увидел меня. Я в этом уверен, потому что мы даже встретились глазами. Тем не менее двери закрылись в тот самый момент, когда я подбежал к остановке. Автобус тронулся, оставив меня под дождём с коробкой театрального оружия.

— Чтоб тебе на каждом светофоре красный попадался, — пожелал я вслед.

На электронном табло высветилось, что следующий автобус придёт через двадцать три минуты. До Дома культуры пешком было около пятнадцати, и я решил идти. К тому времени, когда впереди показалось нужное здание, брюки промокли почти до колен, а мокрая рубашка неприятно прилипала к спине.

Центральный вход оказался закрыт из-за ремонта. Две бетонные ступени были разбиты, проход перегораживала полосатая лента, а на стене висела стрелка с надписью «Вход со двора». Я обошёл здание, отыскал неприметную железную дверь и постучал. Изнутри доносились музыка, детский смех и грохот, похожий на падение мебели.

Открыл мне мальчишка лет десяти в белом поварском колпаке.

— Вы к кому? — спросил он, разглядывая мой мокрый плащ.

— К Зое Петровне. Реквизит привёз.

— А! — Мальчик немедленно распахнул дверь шире. — Заходите скорее, а то у нас тут всё пропало.

Я вошёл в узкий коридор, заставленный декорациями, складными стульями и картонными коробками. На стене висели афиши старых спектаклей. Между ними кто-то прикрепил

лист ватмана с расписанием репетиций, где красным фломастером было написано: «КОСТЕ НЕ ЗАБЫТЬ СЛОВА!!!» Судя по трём восклицательным знакам, проблема считалась серьёзной.

Зоя Петровна нашлась за кулисами. Невысокая женщина лет шестидесяти в очках на цепочке одновременно пыталась распутать провода, прикрепить кому-то на голову бумажную корону и объяснить девочке в синем платье, что принцессы не должны жевать резинку во время коронации.

Увидев меня с коробкой, она бросила провода и подошла почти бегом.

— Андрей? Слава богу! Я уже думала, вы передумали. Давайте сюда, сейчас проверим.

Пока Зоя Петровна вытаскивала содержимое, я оглядывался по сторонам. За кулисами пахло пылью, краской и чем-то сладким. Возле стены стоял картонный прилавок с нарисованными пирожными, рядом валялись деревянные ящики, изображавшие то ли мебель, то ли строительный мусор. Несколько детей бегали между декорациями, а мужчина в рабочей куртке пытался закрепить на стойке прожектор.

— Всё на месте, — удовлетворённо объявила Зоя Петровна, вынимая последний свёрток бутафорских денег. — Андрей, вы нас очень выручили. Чайник ваш в кабинете, сейчас принесу.

Она направилась к выходу, но не успела сделать и трёх шагов, как из противоположной двери появился мальчик постарше.

— Зоя Петровна, а дядя Саша точно не приедет?

Женщина остановилась, и выражение её лица заметно изменилось.

— Не приедет, Денис. У него машина сломалась, он за городом застрял. Мы уже обсуждали.

— А кто тогда разбойника играть будет?

— Я что-нибудь придумаю.

— Вы уже полчаса придумываете, — заметил Денис и скрылся за декорациями.

Зоя Петровна проводила его взглядом, повернулась ко мне и вдруг принялась разглядывать меня с каким-то новым интересом. Я сразу почувствовал неладное. Так на меня обычно смотрела начальница, когда собиралась поручить работу, не входящую в мои обязанности.

— Андрей, а вы когда-нибудь на сцене выступали?

— Нет, — ответил я, хотя это было не совсем правдой. — А что?

— Совсем никогда?

— В школе басню Крылова читал. Один раз.

— И как?

— Забыл половину, за вторую получил тройку.

Она помолчала, почесала переносицу и неожиданно улыбнулась.

— Замечательно. Значит, опыт есть.

Мне не понравился ход её мыслей, и я поспешил напомнить о чайнике. Зоя Петровна махнула рукой, заверив, что с ним всё в порядке, а затем принялась объяснять ситуацию. Оказывается, у них сегодня премьера детского спектакля «Ограбление кондитерской», и единственную взрослую роль должен был играть чей-то отец. Утром у него сломалась машина, а найти замену они не успели. Детей уже переодели, зрители начали собираться, отменять представление было поздно.

— Мне от вас почти ничего не нужно, — уверяла она, пока я пытался сообразить, как вежливо отказаться. — Выходите с мешком, пугаете продавца, забираете деньги и убегаете. Потом вас ловят наши сыщики. Минут пять от силы.

— А реплики?

— Там совсем немного. Я подскажу.

— Зоя Петровна, я бухгалтер, а не артист. Я перед людьми выступаю только когда квартальный отчёт сдаю, и то стараюсь поскорее закончить.

— Вот и здесь поскорее закончите. Нам главное, чтобы взрослый был, понимаете? Роль такая.

Она говорила совершенно серьёзно, и мне уже почти удалось придумать убедительный отказ, когда к нам подошла девочка лет девяти с двумя тугими косами. На ней был серый пиджак явно с чужого плеча, а в руках она держала картонную лупу. Девочка посмотрела на меня, потом на Зою Петровну и деловито поинтересовалась:

— Это наш разбойник?

— Пока договариваемся, Полина. Андрей у нас человек занятой.

Полина задумчиво оглядела мой мокрый плащ, помятые брюки и пакет, в котором я принёс реквизит.

— Он не очень страшный, — заключила она. — Но сойдёт. У нас всё равно разбойник глупый, его в конце ловят.

Я усмехнулся, а Зоя Петровна воспользовалась моментом и протянула мне полосатую шапочку.

— Ну что, Андрей? Поможете? Дети два месяца готовились. Жалко ведь отменять.

В тот момент следовало твёрдо сказать «нет», забрать покупку и отправиться домой. Но девочка продолжала стоять рядом и смотреть на меня так, словно решение уже было принято, а я просто тянул время.

— Только пять минут? — уточнил я.

— Максимум семь, — поспешно пообещала Зоя Петровна.

Так в сорок два года я впервые согласился участвовать в вооружённом ограблении кондитерской.

Подготовка заняла около десяти минут. Зоя Петровна выдала мне полосатую шапочку, приклеила усы и сунула в руки револьвер. Переодеваться я отказался наотрез, поэтому костюм разбойника состоял из моей собственной одежды и выданных аксессуаров. Женщина несколько раз повторила последовательность действий, показала, откуда выходить и куда убегать. Текст мне удалось прочитать только один раз, причём в это время кто-то за кулисами уронил стул, а двое мальчишек спорили, кому достанется настоящая полицейская фуражка.

— Главное, не спорьте с детьми, — предупредила Зоя Петровна, поправляя мне шапку. — Полина вас будет допрашивать. Она всё знает наизусть, так что просто отвечайте по сценарию.

— А если забуду?

— Скажете, что вы злодей. У нас это почти на любой вопрос подходит.

Вскоре в зале погас свет, заиграла музыка, и за кулисами стало тише. Дети выстроились возле своих выходов, кто-то шептал текст, а мальчик в поварском колпаке непрерывно поправлял передник. Я осторожно выглянул из-за занавеса и обнаружил, что зрителей гораздо больше, чем представлял. Почти все кресла были заняты. В первом ряду сидели родители с телефонами, дальше разместились бабушки, дедушки и несколько подростков, явно пришедших поддержать младших братьев и сестёр.

Мне захотелось снять усы и уйти.

Однако спектакль уже начался. На сцене появились продавец кондитерской и две покупательницы, которые долго выбирали пирожные, спорили из-за сдачи и в конце концов договорились купить торт. Зрители улыбались, кто-то негромко подсказывал забытые реплики. Всё выглядело мило и вполне прилично, пока Зоя Петровна не схватила меня за локоть.

— Андрей, готовьтесь. Сейчас ваш выход.

Я проверил, не выпал ли револьвер из кармана, перехватил мешок поудобнее и попытался вспомнить первую реплику.

— Идите! — прошептала Зоя Петровна, когда мальчик-продавец остался за прилавком один.

Я вышел на сцену.

Прожектор ударил прямо в лицо, отчего зрительный зал превратился в тёмное пятно. От волнения у меня пересохло во рту, а приклеенный ус начал подозрительно шевелиться. Мальчик за прилавком смотрел на меня с явным ожиданием. Я достал револьвер, поднял его и громко произнёс единственное, что сумел вспомнить:

— Всем стоять! Это ограбление!

Мальчик вздрогнул, хотя прекрасно знал, что сейчас произойдёт. Несколько секунд он разглядывал меня, затем опустил взгляд на пластмассовый пистолет и неожиданно спросил:

— А вы зачем пришли? Мы уже закрылись.

В сценарии этой реплики не было. Видимо, мальчишка тоже растерялся и решил выкручиваться самостоятельно.

— Как закрылись? — переспросил я, совершенно забыв, что должен делать дальше.

— Ну вот так, — объяснил он, указав на картонную табличку возле кассы. — Видите, написано?

Я посмотрел на табличку «ЗАКРЫТО» и почувствовал, как за кулисами кто-то отчаянно машет руками. Зоя Петровна пыталась вернуть нас к сценарию, но что именно она показывала, я разобрать не мог.

— Тогда открывайтесь обратно, — потребовал я. — Я всё равно вас грабить пришёл.

Мальчик пожал плечами, перевернул табличку и деловито осведомился:

— Вам что-нибудь предложить?

В зале засмеялись. Я тоже едва удержался от смеха, однако решил не терять достоинства. Всё-таки разбойник должен внушать хоть какое-то уважение.

— Деньги давай, — приказал я, постучав револьвером по прилавку. — Всю выручку.

Продавец послушно открыл кассу, достал несколько пачек бутафорских купюр и протянул мне. По сценарию я должен был сразу сложить их в мешок, но одна пачка рассыпалась, и несколько бумажек упали на пол. Я наклонился, подобрал их и машинально пересчитал.

За восемнадцать лет работы привычка проверять суммы успела въесться намертво. Я даже на рынке иногда пересчитывал сдачу быстрее продавца.

— Подожди-ка, — сказал я мальчику, изучая купюры. — А сколько у вас сегодня выручка была?

Он растерянно оглянулся на кулисы.

— Не знаю.

— Как не знаешь? Ты же за кассой стоишь.

— Я пирожные продаю.

— Прекрасно. А кассовую книгу кто ведёт?

Мальчик посмотрел на меня так, словно я заговорил на иностранном языке. В зале послышались смешки, но я уже настолько увлёкся, что продолжил выяснять обстоятельства. Оказалось, у кондитерской не было ни кассовой книги, ни накладных, ни даже директора. За директора, если верить продавцу, отвечала девочка, которая в начале спектакля покупала торт.

— Тогда зови директора, — распорядился я, складывая деньги обратно в пачку. — Тут безобразие какое-то творится.

— А вы точно грабитель? — осторожно спросил мальчик.

— Конечно.

— Тогда почему вы ругаетесь, как моя мама, когда ей зарплату неправильно начислили?

В этот момент зал взорвался хохотом. Я хотел что-то ответить, но левый ус окончательно отклеился и повис над губой. Пришлось незаметно прижать его пальцем, отчего разбойник, вероятно, приобрёл особенно устрашающий вид. Мальчик засмеялся первым, а следом за ним и я, совершенно забыв о необходимости сохранять злодейскую серьёзность.

К счастью, на сцену выбежала Полина. Она была настолько сосредоточена, что даже не взглянула на публику. Подняв свою картонную лупу, девочка громко объявила:

— Всем оставаться на местах! Вы арестованы по подозрению в ограблении!

Я облегчённо вздохнул. Наконец-то сценарий возвращался в знакомое русло.

— Не поймаете! — крикнул я и попытался обежать её, направляясь к кулисам.

Однако Полина преградила мне дорогу и строго подняла руку.

— Подождите, гражданин преступник. Я ещё не закончила расследование.

— Какое расследование? — Я остановился возле прилавка, стараясь не потерять окончательно отклеившийся ус. — Ты же сама сказала, что меня арестовала.

— Арестовала по подозрению. А теперь должна доказать вашу вину, — объяснила девочка, раскрывая толстую тетрадь. — Назовите фамилию.

Я назвал свою настоящую фамилию, поскольку сценическую благополучно забыл. Полина старательно записала её, уточнила возраст и место работы. Узнав, что я бухгалтер, она подняла голову и посмотрела на меня с таким выражением, будто только что раскрыла преступление века.

— Ага! Вот почему вы считали деньги!

— А почему бы мне их не считать? — возразил я. — Может, меня обмануть хотели.

— Вас? — Полина даже отступила на шаг. — Но это же вы грабитель!

— И что теперь? Грабителям обязательно обсчитываться?

Зрители хохотали уже не стесняясь. За кулисами Зоя Петровна вцепилась в край занавеса, а стоявший рядом с ней Денис пытался что-то сказать, но от смеха у него ничего не получалось. Я окончательно перестал понимать, что у нас происходит, и решил положиться на Полину. Судя по её уверенности, девочка вполне могла вывести спектакль из любого положения.

— Хорошо, — сказала она, немного подумав. — Тогда объясните, зачем вы украли деньги.

Это как раз был тот вопрос, на который мне следовало ответить: «Потому что я злодей». Зоя Петровна успела повторить эту фразу раз пять, и я даже открыл рот, собираясь наконец произнести хоть что-нибудь по сценарию. Но тут заметил, что Полина ждёт ответа с неподдельным интересом. Девочка так серьёзно вела своё расследование, что говорить ей про злодейскую натуру показалось глупостью.

— Чайник хотел купить, — признался я.

Полина нахмурилась. Очевидно, подобный мотив преступления в её расчёты не входил.

— Какой чайник?

— Электрический. Старый сломался, я новый заказал. А вместо него получил вот это всё.

Я потряс мешком, и несколько купюр высыпались на пол. Полина посмотрела на деньги, затем на револьвер в моей руке и наконец спросила:

— А кондитерская тут при чём?

Вопрос был совершенно справедливым. Я некоторое время раздумывал, пытаясь придумать хоть какое-нибудь оправдание, но не нашёл ничего лучше правды.

— Да ни при чём, — сказал я. — Просто день сегодня такой. Сначала магазин закрыт, потом посылки перепутали, автобус ушёл, дождь начался. Вот и оказался здесь.

Полина перевела взгляд на мальчика-продавца. Тот стоял за прилавком, сжимая в руках картонный торт, и внимательно следил за разговором.

— Значит, вы вообще не собирались никого грабить? — уточнила она.

— Не собирался. Мне бы чайник забрать и домой.

— А пистолет тогда зачем?

Я посмотрел на игрушечный револьвер, который до сих пор держал в руке, и почувствовал себя полным идиотом.

— Выдали, — объяснил я.

Полина задумалась, постучала карандашом по тетради и объявила, что дело принимает неожиданный оборот. После чего предложила мне сдать оружие добровольно и пообещала учесть это при вынесении приговора.

Револьвер я сдал без сопротивления, но с приговором возникли сложности. По сценарию разбойник должен был вырваться и убежать, а дети — торжественно объявить, что преступность наказуема. Однако Полина, похоже, решила довести расследование до конца. Она попросила меня сесть на табурет, который мальчик-продавец тут же вытащил из-за прилавка, и принялась совещаться с ним шёпотом.

Я сидел перед полным залом незнакомых людей, в полосатой шапочке и с одним усом, разглядывая картонные пирожные. Положение было настолько нелепым, что оставалось только ждать, чем всё закончится.

Наконец сыщики пришли к соглашению. Полина встала передо мной, расправила плечи и торжественно произнесла:

— Суд постановил признать вас виновным в попытке ограбления кондитерской.

— Какой ещё суд? — не удержался я.

— Наш. Мы посовещались, — объяснила она, указав на продавца. — Но поскольку вы сами признались и никому ничего плохого не сделали, наказание будет нестрогим.

Я с интересом приготовился выслушать приговор.

— Один месяц общественных работ!

Зал одобрительно зааплодировал.

— А где именно? — спросил я.

Полина раскрыла тетрадь, словно собиралась свериться с уголовным кодексом, но потом честно призналась:

— У нас в театре. Нам декорации таскать некому, а Зоя Петровна всё время ругается, что она одна.

Я повернулся к кулисам. Зоя Петровна уже не пыталась скрывать смех и только махнула мне рукой, давая понять, что возражать бесполезно.

— Ладно, — согласился я. — Месяц так месяц. Только по субботам.

Полина записала условия моего наказания, потребовала обещать, что больше никого грабить не буду, и разрешила покинуть место преступления. Я встал, поклонился публике и направился к выходу, но мальчик-продавец вдруг окликнул меня:

— Дяденька! А деньги?

Я остановился. Холщовый мешок так и остался у меня в руке.

— Вот чёрт, — пробормотал я и вернулся к прилавку.

Пришлось торжественно возвратить награбленное под новую волну смеха и аплодисментов. Только после этого мне удалось добраться до кулис.

Занавес закрылся. Музыка заиграла снова, а дети, забыв о необходимости соблюдать тишину, бросились поздравлять друг друга. Мальчик-продавец уверял, что никогда в жизни так не смеялся, Денис изображал мой допрос, а Полина внимательно изучала записи в тетради, словно собиралась использовать их для следующего расследования.

Я прислонился к стене и принялся отдирать оставшийся ус. Клей держался на удивление крепко, так что пришлось немного помучиться. Зоя Петровна подошла ко мне, держа в руках бутылку воды.

— Ну, Андрей, — сказала она, протягивая бутылку, — вы нас сегодня удивили.

— Я себя тоже. Особенно когда оказался подсудимым. Вы же обещали пять минут.

— Так дети увлеклись. А публика-то как реагировала! Я двадцать лет кружок веду, но такого ограбления ещё не видела.

Она рассмеялась и призналась, что поначалу испугалась, когда я принялся требовать кассовую книгу. Однако потом решила не вмешиваться. Полина, по её словам, обычно слишком старалась всё сделать правильно: стоило кому-то забыть реплику, как девочка начинала волноваться и сама путалась в тексте. Сегодня же она впервые перестала оглядываться за подсказками и совершенно самостоятельно повела сцену.

— Вы бы видели её на репетициях, — рассказывала Зоя Петровна, наблюдая, как дети разбирают декорации. — Чуть что не по плану, сразу глаза на мокром месте. А сегодня вас ещё и осудила. Я теперь боюсь, как бы она меня за что-нибудь не привлекла.

Мы посмеялись, и я наконец вспомнил о причине своего появления в Доме культуры.

— Зоя Петровна, а чайник-то мой где? — спросил я, снимая полосатую шапочку. — А то я так и уйду с оружием вместо покупки.

— Сейчас принесу. Вы только далеко не уходите, мы тут детям фотографии делаем.

Она скрылась в коридоре, а ко мне подошла Полина. Пиджак с неё уже сняли, но картонную лупу девочка по-прежнему держала в руках. Несколько секунд она молча разглядывала меня, словно пыталась понять, насколько сильно отличается разбойник от обычного человека.

— Андрей Сергеевич, а вы правда бухгалтер?

— Правда. Даже диплом могу показать, только он дома.

— А грабителем раньше играли?

— Нет. Сегодня первый раз.

Полина заметно удивилась. Видимо, она ожидала, что у меня за плечами хотя бы несколько удачных ограблений.

— А почему тогда так смешно получилось?

Я пожал плечами. Объяснить, каким образом человек, собирающийся купить чайник, оказывается на сцене перед сотней зрителей, я и сам не мог.

— Наверное, потому что я ничего не понимал, — признался я. — Ты, кстати, отлично всё придумала. Особенно с общественными работами.

Девочка довольно улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— А вы действительно в следующую субботу придёте?

— Если суд постановил, придётся. Я законопослушный человек.

— Тогда приходите к десяти, — распорядилась она. — У нас декорации для нового спектакля. И ещё там один рыцарь нужен, только он разговаривает мало.

— Рыцарь?

— Да. Но вы не волнуйтесь, — успокоила меня Полина. — Если забудете слова, я подскажу.

С этими словами она убежала к остальным детям, оставив меня размышлять, в какой момент месяц общественных работ превратился в участие в следующей постановке.

Зоя Петровна вернулась с коробкой моего чайника и маленьким бумажным пакетом. В пакете оказались два пирожных, приготовленных кем-то из родителей для участников спектакля. Я попытался отказаться, но она заявила, что артист без гонорара работать не должен, а денег у кружка всё равно нет.

Мы вышли в коридор, где уже собирались родители. Меня несколько раз останавливали, благодарили за спектакль и спрашивали, давно ли я занимаюсь театром. Одна женщина даже попросила сфотографироваться с её сыном, тем самым продавцом кондитерской. Мальчик подошёл ко мне, важно пожал руку и шёпотом поинтересовался, действительно ли существует кассовая книга. Я объяснил, что существует, но в его возрасте лучше пока не забивать этим голову.

На улице дождь наконец закончился. Пока я шёл к остановке, солнце успело выглянуть из-за облаков, и мокрый асфальт блестел так ярко, что приходилось щуриться. Автобус подо-

шёл почти сразу. В салоне было тепло, свободных мест хватало, и я устроился у окна, поставив коробку с чайником на колени.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение от незнакомого номера, а следом — фотография. На ней я сидел на табурете посреди сцены, с одним отклеившимся усом и совершенно растерянным лицом. Передо мной стояла Полина с картонной лупой, а за её спиной мальчик в поварском колпаке торжественно держал мешок с деньгами.

Под фотографией было написано: «Это Зоя Петровна. Спасибо вам огромное! Дети счастливы. В субботу ждём к десяти. И не забудьте шапочку, она казённая».

Я засмеялся так неожиданно, что сидевшая напротив пожилая женщина оторвалась от телефона и с любопытством посмотрела на меня.

— Что-то хорошее случилось? — спросила она.

— Да вот, — ответил я, поворачивая к ней экран, — ограбление сегодня не удалось.

Женщина внимательно изучила фотографию, поправила очки и неодобрительно покачала головой.

— А чего ж вы без маски-то? Конечно, поймают.

Пришлось отвернуться к окну, чтобы окончательно не расхохотаться.

Дома я распаковал чайник, вымыл его и поставил на кухонный стол. Вода закипела быстро, без посторонних звуков и неприятных запахов. Я заварил кофе, достал одно из подаренных пирожных и только тогда заметил, что так и не купил продукты. В холодильнике нашлись два яйца, кусок сыра и половина батона, чего для ужина было вполне достаточно.

Уже ближе к вечеру мне снова позвонила Зоя Петровна. Оказалось, дети решили показать спектакль ещё раз, теперь уже для соседней школы, а видеозапись сегодняшнего представления кто-то из родителей обещал выложить в общий чат.

— Вы не беспокойтесь, — заверила она. — Мы вам текст заранее пришлём, чтобы в следующий раз не пришлось на ходу придумывать.

— А Полина что говорит?

— А Полина категорически против. Утверждает, что текст вам давать нельзя, потому что тогда будет неинтересно.

Я рассмеялся, а Зоя Петровна добавила, что девочка уже придумала продолжение истории. Теперь её сыщик собирался расследовать исчезновение королевской казны, и главным подозреваемым снова оказался бухгалтер. Правда, на этот раз Полина обещала провести следствие строго по закону.

Мы договорились созвониться в пятницу. Перед тем как попрощаться, Зоя Петровна попросила сохранить усы и шапочку до следующей репетиции, поскольку реквизит уже записали за мной.

Я положил телефон на стол, допил остывший кофе и открыл календарь. В ближайшую субботу у меня, как обычно, не было никаких особенных дел. Вернее, до сегодняшнего вечера не было.

Я поставил напоминание на девять утра и написал: «ДК „Маяк“. Отбывать наказание».

Немного подумав, добавил вторую строчку: «Взять усы».

Шапочку я повесил на крючок в прихожей, рядом с ключами, а пакет с оставшимся пирожным убрал в холодильник.

И только тут вспомнил, что утром так и не успел купить картошку.

Впрочем, за ней я собирался выйти завтра. Если, конечно, по дороге никого не арестуют.

Трое на природе

Предложение отправиться в лес Илья сделал в пятницу вечером, когда мы ещё не успели допить первое пиво. Это обстоятельство я считаю важным: наутро никто не мог сослаться ни на хмель, ни на минутное помрачение рассудка. Нам всем было за сорок, мы умели зарабатывать деньги, платить налоги и отличать хорошие выходные от испорченных. Во всяком случае, до того вечера я в этом не сомневался.

Мы сидели в кафе возле моей мастерской. Илья Лавров, руководитель проектов в строительной компании, уже минут двадцать объяснял, что люди разучились отдыхать. По его словам, мы перестали замечать деревья, питаемся чем попало, а в выходные только и делаем, что смотрим в телефоны. Сам он успел трижды проверить рабочую почту, ответить на два сообщения и попросить нас помолчать, пока сотрудник выяснял у него, где найти нужный файл.

— Представляете, в прошлое воскресенье Петров спрашивает, где согласованная смета. — Илья положил телефон возле тарелки, экраном вверх. — Я говорю: в общей папке, там же, где лежала в пятницу. Он не может найти. Пришлось самому заходить и отправлять ссылку. Один выходной в неделю — и тот пропал!

— А трубку не брать ты пробовал? — Я кивнул на телефон, лежавший экраном вверх.

— Боря, если я не отвечу, они ничего не сделают. — Илья бросил взгляд на погасший экран.

— А если ответишь, зачем им учиться? — Я отодвинул от себя пустую кружку, чтобы официант мог её забрать.

Михаил Брагин одобрительно хмыкнул. Мишка работал инженером и ни одного вопроса не обсуждал, пока не находил его причину. Даже пельмени он выбирал обстоятельно: читал состав, сравнивал вес упаковок, подсчитывал стоимость порции. Однажды мы зашли с ним за ужином и вышли без покупок: магазин закрылся, пока он выбирал производителя. В тот вечер Миша тоже охотно принялся за чужую проблему.

— Ты сам их приучил, — заметил Миша, отодвигая тарелку. — Пока всякое решение проходит через тебя, тебе и будут звонить. Петров вообще знает, что может открыть папку сам?

— Спасибо, Миша, учту. — Илья потянулся за телефоном, но вовремя убрал руку. — Особенно когда ты в следующий раз попросишь меня помочь с компьютером.

— Один раз просил. — Мишка поправил очки; по этому признаку я всегда узнавал, что он собирается отстаивать историческую правду.

— Четыре, — поправил я. — Включая случай с интернетом, когда ты выдернул кабель.

— Кабель выдернула кошка. Мы это уже обсуждали. — Мишка понизил голос, хотя за соседними столиками никто не обращал на нас внимания.

Кошки у Мишки никогда не было. Он уверял, что виновата соседская, проникшая через открытое окно. Проверить не удалось, а потому я предпочёл оставить кошку в покое: благодаря ей мы столько лет вспоминали историю с интернетом, что вычёркивать её из семейного предания нашей компании было бы жестоко.

Илья отодвинул кружку и объявил, что больше не отдаст ни одного выходного рабочей переписке. Надо, сказал он, хоть иногда уезжать туда, где нет связи, горячей воды и возможности заказать ужин. Я заметил, что всё перечисленное можно обнаружить в некоторых городских квартирах, но Илюха уже увлёкся рассказом о первозданной природе и не слушал.

— В субботу едем в лес, — заключил он. — С палатками, на озеро. Разведём лагерь, приготовим еду. Ни интернета, ни ресторанов, ни рабочих звонков. Хоть два дня поживём как люди.

— А до этого мы жили как кто? — спросил я. — И почему, чтобы почувствовать себя человеком, нужно отказаться от туалета?

— Вот из-за таких взглядов мы и стали изнеженными! — Илья с досадой убрал с экрана очередное уведомление. — Мужчина должен обходиться без комфорта.

— Должен кому? У меня с собой прекрасные отношения, я ничего подобного от себя не требую.

Миша поддержал идею, но потребовал подготовки. Он два месяца читал о туризме, успел обзавестись кое-каким снаряжением и не собирался выходить в лес на одном энтузиазме. Илья возразил, что как раз от планов и намерен отдыхать. Я предложил ресторан с открытой верандой: деревья там настоящие, птицы тоже, зато к концу вечера не приходится искать кусты.

Веранду друзья отвергли. Илья открыл календарь и назначил время выезда; Мишка потребовал заложить запас на дорогу и установку палаток. Вскоре у нас появился маршрут, перечень вещей и расписание, по которому свободное время начиналось ровно после обеда. До сих пор я не знал, что бездельничать можно с такой точностью.

Участвовать я не собирался. Правда, дома на субботу был назначен ремонт кухни. Мы с Леной давно хотели снять старый шкаф, выбрать краску и разобраться со смесителем, который я установил собственными руками три месяца назад. Он подтекал, а я уже несколько недель обещал исправить. Профессионально я ремонтировал бытовую технику; по вечерам же иногда мечтал, чтобы все приборы вокруг меня просто работали.

Я позвонил Лене и рассказал про ночёвку. Она уточнила, вернусь ли в воскресенье, и напомнила о шкафе. Я пообещал заняться им сразу по возвращении. Жена согласилась отпустить меня в лес и велела передать Илье, что деревьев там достаточно, а значит, при желании человека, который станет всеми командовать, найдётся где оставить. Я передал друзьям только первую часть разговора.

Мишка сразу спросил, в чём я собираюсь идти. Я показал ему ботинки; этого оказалось недостаточно, но продолжать спор он не стал. Илья тем временем нашёл на карте Ольховое озеро: от парковки у лесной дороги до стоянки — около четырёх километров. Нам предстояло пройти их в субботу, переночевать и вернуться в воскресенье. Отличный план, если не учитывать, что составили его мы.

На прощание Илья ещё раз напомнил о пользе простоты и жизни без вещей. Миша уточнил договорённость насчёт еды: каждый берёт то, что любит, а на месте мы сообразим общий обед. Я предложил составить регламент пользования тушёнкой, но друзья засмеялись и вернулись к списку снаряжения. О продуктах мы больше не говорили — как оказалось, совершенно напрасно.

* * *

В половине девятого Илюха уже мерил шагами площадку у шлагбаума. На нём была новая одежда цвета мокрого мха, с карманами чуть ли не на каждом шве. Часы на запястье умели считать шаги, следить за пульсом и оценивать качество сна. Я спросил, могут ли они ещё и отвечать на рабочие звонки за хозяина. Илья велел перестать шутить и помогать с вещами.

Мишка приехал вскоре после меня и вытащил из багажника рюкзак, который вполне мог бы служить ему временным жильём. Поставив его на землю, он объявил, что ничего лишнего не взял. Тут были аптечка, компас, батарейки, верёвки, горелка, баллоны, инструменты, складная пила и множество мелких вещей, которые, по словам Мишки, когда-нибудь обязательно понадобятся. Я поинтересовался, на сколько дней он собрался. Друг обиделся: он же помнил, что на одну ночь.

— Зачем пила, если у тебя газовая горелка? — Я указал на сложенный инструмент, торчавший из бокового кармана рюкзака.

— На всякий случай. — Миша поправил ремень, удерживавший пилу. — Не всё ведь можно сделать горелкой.

— Звучит основательно. А если наше обстоятельство — четыре километра от машины?

— Боря, человек должен быть готов к неожиданностям. Тебе это станет понятно, когда что-нибудь понадобится.

Я принёс рюкзак с одеждой и продуктами и складной стул в чехле с плечевым ремнём. Дорожную сумку оставил дома: нести её несколько километров в руке я не собирался. Зато стул взял сознательно. Он был лёгкий, быстро раскладывался и избавлял от необходимости изучать каждый пенёк на предмет смолы и муравьёв.

Илья при виде стула возмутился. Мишка потребовал показать конструкцию, проверил ножки и заключил, что вещь хорошая, но туристу совершенно необязательная. Он советовал пользоваться тем, что найдётся под рукой. Я показал на стул: вот он, под рукой. Илья предложил оставить его в машине, а я предложил оставить в машине солнечную панель, которую Илья уже успел положить поверх рюкзака.

— Мы едем отдыхать от благ цивилизации. — Илья взял стул за чехол, оценивая вес. — А ты тащишь её с собой.

— Ты привёз солнечную панель, — заметил я, показывая на блестящий прямоугольник возле его рюкзака. — Судя по всему, рассчитываешь цивилизацию ещё и подзаряжать.

— Это на случай необходимости. Для телефона и навигации.

— Тогда мне можно стул на случай необходимости отдохнуть? — Я забрал чехол и перекинул ремень через плечо.

Миша с солнечной панелью тоже не соглашался: для одной ночёвки вполне хватит заряженных телефонов и запасного аккумулятора. Илья назвал нас мелочными и велел проверить продукты. У него нашлись хлебцы, орехи, сыр, сухофрукты и каша в пакетах; у Мишки — гречка, тушёнка и чай; у меня — хлеб, колбаса, овощи, кофе и печенье. Всё было съедобным, но общий обед каждый представлял по-своему.

При распределении груза Мишка предложил взвесить рюкзаки, Илья — разделить вещи приблизительно поровну, а я — не превращать прогулку в марш-бросок. Мне положили часть продуктов, Илье достался общий тент, Мишка оставил при себе все свои инструменты. На этом мы сошлись. Никто не был в восторге, но зато можно было наконец идти.

У шлагбаума висел щит с картой леса. На нём обозначались Ольховое озеро, разрешённые места для палаток и несколько троп. Мишка сверил щит со своей распечаткой, Илья открыл приложение, а я на всякий случай проверил, закрыл ли машину. Дорога казалась простой: дойти до развилки, свернуть в нужную сторону и выйти к воде. В четырёх километрах от нас ждало озеро, а пока мы всё ещё стояли рядом с автомобилями.

Илья объявил цифровой детокс: никаких рабочих сообщений и социальных сетей до возвращения. Телефоны оставляем только для карты и на случай беды. Миша предусмотрительно скачал карту без доступа к сети. Я согласился: за последний месяц мне столько раз звонили из-за неисправных чайников, что перспектива не слышать об этом хотя бы сутки казалась подарком.

Не прошли мы и нескольких сотен метров, как Илья остановился, взглянул на часы и объявил, что сделал четыреста двадцать шагов, причём пульс держится в нужной зоне. Я предложил немедленно записать его достижения, пока лес не потребовал отчёта за каждый пройденный метр. Мишка же принялся выяснять, по какой формуле часы рассчитывают расход энергии. Мы отправились отдыхать от техники и почти сразу начали обсуждать её устройство.

* * *

Сначала шли прекрасно. Под ногами мягко пружинила хвоя, из низины тянуло сыростью, а солнце временами пробивалось между соснами. Мы вспоминали школьные походы и общих знакомых. Я даже начал верить, что согласился не зря: никто не просил меня чинить стиральную машину, никуда не надо было торопиться, и от друзей пока не требовалось ничего, кроме способности идти вперёд.

Мишка рассказал про знакомого туриста, который ходил по горам и считал главной причиной неприятностей людскую самоуверенность. Илья тут же заговорил о пользе тренировок. Я вспомнил школьный слёт, где мы всем классом отравились кашей: поваром назначили мальчика, единственного прочитавшего инструкцию к котелку, и он добавил в пшено сгущёнку, простоявшую на жаре полдня.

— И никто не проверил? — Мишка даже остановился, настолько его возмутила безответственность школьного повара.

— Проверяли. На вкус. Потом — у школьного врача. У неё, кстати, был другой метод диагностики, но результаты совпали.

Мишка сразу нашёл причину катастрофы: взрослые обязаны были проверить продукты. Я согласился и сказал, что с тех пор с подозрением отношусь к любому, кто слишком уверенно берётся командовать кухней. Илья посмотрел на часы, объявил, что мы идём медленно, и прибавил шаг. Впереди как раз показалась развилка, где нам предстояло решить вопрос, от которого зависела дальнейшая судьба обеда.

Одна тропа уходила вправо между соснами, другая сворачивала налево и была заметно шире. У развилки стоял деревянный столб с двумя ржавыми гвоздями. Стрелку кто-то давно унёс, так что выбирать направление предоставлялось нам самим. Я сразу предложил левую тропу: по ней хотя бы ходили люди.

Илья открыл приложение и показал, что вправо короче. Мишка развернул бумажную карту, проверил компас и заявил, что справа болото, а нужная просека начинается слева. Я ещё раз оглядел натоптанную дорожку и попросил не искать приключений там, где можно обойтись без них.

— Большинство не всегда право. — Мишка придержал карту ладонью, чтобы её не сворачивал ветер.

— Конечно. Но иногда оно хотя бы знает, где не вязнут ботинки.

— У тебя нет данных, куда ведёт эта тропа.

— Зато у меня есть глаза. — Я показал на натоптанную дорожку. — Ими можно пользоваться без батареек.

Минут десять они спорили над картами. Я уже предлагал вернуться к автомобилям и поискать озеро поближе к дороге. Всё-таки пошли налево: Мишка готовился серьёзнее остальных, и нам хотелось хоть раз воспользоваться его знаниями.

Через двадцать минут тропа сузилась, а ещё через десять вывела в сырую низину. Миша развернул карту и обнаружил, что нужная просека осталась позади. Мы вернулись, нашли среди кустов узкий проход и пошли вдоль него до поваленных деревьев. Мишкин рюкзак цеплялся за каждую ветку; Илья не забывал смотреть на часы, а я прикидывал, сколько километров мы уже прошли вокруг одной и той же сосны.

— Миша, давай вернёмся к развилке. — Я снял с лица прилипшую паутину. — Там хотя бы тропа была настоящая.

— Отсюда близко до озера. — Миша развернул карту на рюкзаке. — Мы немного южнее тропы, вот и всё.

— Ты уже говорил, что близко, перед болотом.

— Потому что по карте так и выходит! — Мишка постучал по отмеченному маршруту пальцем.

— Карта, безусловно, прекрасная. — Я оглядел завал перед нами. — Жаль только, лес её не читал.

Мишка сложил карту, сунул её под лямку рюкзака и предложил нам самим выбирать дорогу, раз его советы никому не нужны. Тут я увидел просеку выше по склону и уверенно повёл всех туда. Илья напомнил, что мы давно отстаём от расписания. Мишка пошёл за нами молча; это мне сразу не понравилось, но отступать при свидетелях было поздно.

Через четверть часа просека упёрлась в старую вырубку. Брёвна лежали одно на другом, между ними торчали обломанные ветви, а под ногами зияли ямы. Мы попробовали найти проход, однако с рюкзаками здесь было делать нечего. Пришлось признать, что моя дорога ничуть не лучше Мишкиной. Друзья, разумеется, не упустили случая поделиться своим мнением.

— Хорошая дорога, Боря. Перспективная. — Илья упёр руки в бока и оглядел вырубку.

— Не хуже предыдущей.

— Предыдущая хотя бы была тропой. — Мишка снял с рукава зацепившуюся ветку.

В другой день я непременно объяснил бы им, насколько важны эксперименты. Но плечо уже болело от рюкзака, а ноги требовали остановки. Мы вернулись к развилке почти через два часа и увидели всё тот же кривой указательный столб. Изменилось только солнце: оно успело подняться выше.

Мы уселись на поваленный ствол и достали воду. Я сделал себе бутерброд; Илья напомнил, что обед по плану ждёт нас у озера. Спустя минуту он попросил хлеба с колбасой, а ещё через одну Миша присоединился, хотя сначала утверждал, что вовсе не голоден. Оставалось только надеяться, что тропа не потребует от нас второго завтрака.

По правой тропе добрались до берега меньше чем за час. Дорога была сухая и ровная, на соснах попадались старые туристические метки. Илья торжествовал: приложение не обмануло. Миша возражал, что одна удачная тропа ещё не делает программу безошибочной. Я шёл позади и думал, что деревья здесь, во всяком случае, сумели отнять у нас два часа, даже не сдвинувшись с места.

Перед озером Мишка начал отставать. Рюкзак уже не сидел у него на плечах, а будто висел на одном упрямстве. Я предложил взять пару банок тушёнки и крупу, но он отказался: дескать, сам справится. Пришлось напомнить, что ужин у нас общий, и мне хотелось бы получить его сегодня. Мишка позволил переложить продукты, а когда Илья ушёл вперёд, тихо пробормотал спасибо.

Сквозь деревья наконец блеснула вода. Озеро вытянулось между берегами, поросшими соснами; на дальнем конце желтел камыш, над ним кружили птицы. Солнце легло на песчаный выступ. Илья снял рюкзак и довольно выдохнул, а я оглядел берег и согласился с ним без обычных оговорок: ради такого места можно было потерпеть дорогу. Даже мы на минуту замолчали.

Миша нарушил тишину первым. Он прошёлся по берегу, присел, потрогал землю и заявил, что здесь палатки не поставит: поверхность наклонная, а в дождь вода пойдёт вниз. Илья ткнул пальцем в озеро — мол, посмотри на вид! Я предложил сперва снять рюкзаки, но друзья уже выбирали между сухим сном и красивым закатом.

* * *

Илюхе понравился песчаный выступ возле воды; Миша показал полосу примятой травы, по которой в сильный дождь должен был стекать поток. Я нашёл ровную площадку выше по склону, в тридцати шагах от берега. После нескольких минут спора друзья согласились ставить палатки там. По большому счёту мне было всё равно, где спать, лишь бы не в луже.

Под соснами обнаружились следы старой стоянки. Мы убедились, что ночлег здесь разрешён, убрали ветки и выбрали место для общего навеса в стороне от палаток. Мишка быстро собрал свою одноместную: расправил ткань, продел дуги, натянул тент, проверил колышки. Илья тем временем возился с чехлом новой двухместной модели. В рекламе обещали, что один человек установит её за шесть минут.

— Засекай. — Илья высыпал на траву дуги и колышки.

— Что именно?

— Время сборки. — Он поднял чехол с палаткой. — Проверим, правду ли написали.

Я устроился на стуле с секундомером. Илья продел первую дугу, затем вторую и долго искал третью. Прочитал инструкцию, выяснил, что третья не нужна, и начал собирать иначе. На восьмой минуте он перестал спрашивать время, на двенадцатой обнаружил, что поменял

местами перед и зад палатки. Теперь ему мешало моё присутствие, хотя я, по правде говоря, совершенно не вмешивался.

— Боря, мог бы хотя бы дугу придержать. — Илья пытался одной рукой удержать ткань, а другой попасть дугой в крепление.

— Сейчас помогу. — Я придержал свободный конец дуги. — Только скажи, когда начнутся те самые шесть минут. Пока у нас разминка.

Миша не выдержал и подошёл к нам. Втроём мы расправили полотно, поставили дуги и натянули внешний тент. Илья поправил последние колышки и отошёл посмотреть. Палатка стояла. Секундомер показывал двадцать семь минут, но Илья объявил, что производитель наверняка не учитывал распаковку и чтение инструкции. Я посоветовал в следующий раз познакомиться с палаткой дома, в спокойной обстановке.

Для общего навеса Мишка привёз большой прямоугольный тент. Мы натянули его между соснами с уклоном, чтобы стекала вода, и поставили под ним складной столик. На одной растяжке возник спор: Мишка хотел вязать узел по правилам, Илья показывал удобный натяжитель, а я предлагал закрепить хоть как-нибудь, пока не стемнело. На возню с этой верёвкой ушло больше времени, чем на остальные три.

Когда всё было готово, я принёс стул к озеру, открыл термос и налил кофе. Илья растянулся на траве, Мишка устроился на бревне. Лёгкий ветер морщил воду; где-то в соснах постукивал дятел. Я сидел, грел ладони о кружку и смотрел, как у берега колышутся сухие камышинки. Здесь и впрямь было хорошо. Особенно когда никто не спорил.

— Мы из графика на два часа выбились. — Илья посмотрел на часы и нахмурился. — Обед был назначен на два. Уже почти четыре.

— И что теперь, штраф? — Мишка дотянулся до фляги, стоявшей у бревна.

— Да какой штраф! — Илья махнул рукой. — Просто есть пора. Мы с утра толком не ели.

— Поели на развилке. — Я завинтил крышку термоса. — На которой, кстати, можно было сразу разбить лагерь и сэкономить половину путешествия.

Миша тоже проголодался, так что мы перенесли продукты под навес и достали горелку с котелком. Как только всё оказалось на столе, выяснилось, что наши понятия об общем обеде очень разные. Я придерживался простого принципа: если человек принёс еду, её следует съесть, прежде чем начинать новый спор.

* * *

Илья хотел сварить крупу с овощами и сыром. Миша настаивал на гречке с тушёнкой: мы много ходили, нужен горячий и сытный обед. Я предложил приготовить всё, что поддаётся совместному приготовлению, и не доводить спор до ужина. Илья заявил, что ему безразлично, что есть, — после чего ещё минут пять объяснял, почему мясо сейчас лишнее.

Миша вытащил две банки тушёнки: простую и подороже, с крупными буквами про содержание мяса. Илья положил на стол гречку и овощи, я — хлеб, колбасу и сыр. Продуктов хватало на троих с запасом, но Миша вдруг заговорил о том, что порции надо рассчитывать по нагрузке. Нам оставалось всего-навсего сварить гречку, а мы уже добрались до справедливости.

— Мне достался самый тяжёлый груз. — Миша потёр плечо, на котором отпечаталась лямка. — Я больше энергии потратил.

— Ты сам такую махину собрал. — Илья потряс пакет с гречкой. — Почему мы должны меньше есть из-за твоей пилы?

— Да не об этом речь. — Мишка придвинул к себе миску. — Просто всем поровну — не всегда справедливо.

— Тогда Борису полагается добавка, — заметил Илья. — Он целый стул через лес нёс.

— Безусловно. — Я придвинул пустую миску. — Причём нужно учитывать не только физическую нагрузку, но и моральные страдания от ваших замечаний.

Илья требовал поровну. Миша считал, что тому, кто нёс больше, полагается добавка. Я сперва хотел узнать, кто какие продукты считает своими. Тут выяснилось, что дорогую банку Миша берег на вечер, а Илья вдруг вспомнил о товариществе и равенстве. Я попросил его поделиться орехами, чтобы теория перестала быть такой отвлечённой.

— Отлично. — Я протянул руку к Ильиным орехам. — Тогда открой пакет.

Илья открыл пакет и придвинул ко мне. Я взял горсть, поблагодарил его и заметил, что Мишка, по той же логике, вправе придержать свою банку до ужина. Но Илья всё никак не соглашался: если уж мы готовим вместе, еда должна быть общей. Когда я спросил, почему тогда к его хлебцам никто до сих пор не притронулся, он забрал пакет орехов и велел заняться наконец котелком.

— Борис, ты просто доводишь нормальную идею до абсурда. — Илья забрал пакет, убедившись, что я не собираюсь съесть всё сразу.

— Ничего подобного. — Я придвинул к себе помидоры, собираясь их нарезать. — Хочу понять, кому принадлежит тушёнка до того, как её положат в общую кастрюлю.

— Принадлежит тому, кто купил. — Мишка перевернул банку, изучая надпись на этикетке.

— Тогда выходит, товарищество начинается с момента вскрытия банки? — Я протянул Мишке консервный нож.

Миша покрутил консервный нож в руке, Илья занялся горелкой, а я принялся резать помидоры. Вода закипала, гречка оставалась непромытой. Миша открыл обычную тушёнку, мы сварили крупу и всё перемешали. Илья, только что защищавший здоровое питание, первым протянул миску за добавкой. Дорогую банку решили не трогать — теперь уже без голосования.

Ели молча, потому что все проголодались. Гречка удалась, помидоры кончились раньше неё. Миша заявил, что хороший результат получился благодаря подготовке, и я хотел напомнить ему наш часовой спор. Но он как раз пододвинул мне хлеб, а я решил не мешать человеку наслаждаться собственной правотой.

Ветер усилился. Над дальним берегом собрались серые тучи, на озере пошла рябь. Илья посмотрел прогноз: дождь должен начаться после десяти. Мишка показал свой, где обещали с шести, и пошёл проверять тент. Я перенёс посуду под навес. Когда первые капли застучали по столу, споры о прогнозах потеряли смысл.

* * *

Первые десять минут дождь мне нравился. Он мягко стучал по тенту, от сосен пахло смолой и мокрой хвоей. Потом поднялся ветер, и вода полетела сбоку. Сухое место под нашим навесом быстро стало уменьшаться; пришлось вставать и что-то делать, хотя именно ради обратного я сюда приехал.

— Надо опустить край и подтянуть растяжку, иначе всё зальёт. — Миша встал из-под навеса и проверил ближайший колышек.

Илья держал угол тента, а я перетаскивал рюкзаки к дереву. Миша ослабил одну растяжку и закрепил её ниже, но колышек выскочил из размокшей земли. Ткань провисла, вода собралась в складке. Я шагнул к ним на помощь ровно в ту секунду, когда весь этот запас опрокинулся мне за воротник. Вспомнился душ дома, горячая вода и собственное обещание не жаловаться на лишения.

— Боря, держи край! — Илья ухватил мокрую ткань обеими руками, пытаясь поднять её повыше.

— Держу! — Я перехватил скользкий угол тента. — А ты объясни, почему весь дождь должен доставаться лично мне!

— Потому что стоишь не там!

— В следующий раз заранее сообщи погоде, где я собираюсь стоять. — Я стряхнул воду с волос, не отпуская край.

Миша принёс длинный колышек, мы нашли место с плотной землёй и закрепили растяжку. Потом заело карабин. Миша попробовал поддеть язычок ножом, но лишь погнул его. Я достал плоскогубцы — те самые, которые он утром назвал лишними. Через полминуты карабин снова работал. Миша повертел его в пальцах и протянул мне инструмент.

— Хорошие плоскогубцы. — Мишка ещё раз проверил карабин.

— Помню, утром ты хотел оставить их в машине. — Я забрал инструмент и вытер ручки рукавом. — Пришлось бы теперь перетягивать всё заново.

— Я говорил, что необязательно брать отдельный набор, — уточнил Мишка, затягивая ремень. — Это другое.

— Ладно, споры потом. — Я посмотрел на складку тента, где снова собирались капли. — Сначала сделаем, чтобы не лилось.

Следующие полчаса нам было не до разговоров. Миша показывал, куда тянуть верёвку, Илья держал мокрый край на ветру, я затягивал узлы и убирал вещи. Когда вода наконец стала стекать в сторону, мы проверили палатки. Ильина выдержала, только одна растяжка ослабла. Миша, конечно, указал на сухую землю под ногами и напомнил, что у воды пришлось бы спать в луже. Никто не спорил.

Переодевались по очереди, не занося мокрые куртки в палатки. Под навесом было сухо, чайник шумел на горелке, Илья раскладывал сухофрукты, а я извлёк из рюкзака печенье. Друзья обвинили меня в сокрытии продовольствия. Я предложил обменять половину пачки на кружку чая и десять минут без обсуждения походных правил. Мишка согласился первым.

Дождь всё не прекращался. Через просвет между стволами виднелось тёмное озеро, по которому бежала рябь. Откуда-то издалека доносилась музыка — еле слышно за шумом воды. Я предположил, что на другом берегу кто-то отдыхает. Мишка сказал, что над водой звук идёт далеко, а Илья попросил не искать людей в лесу, куда мы приехали от них отдыхать. Вскоре музыку заглушил новый порыв ветра.

— Я дома уже несколько месяцев нормально не отдыхаю. — Илья обхватил кружку обеими ладонями. — Даже когда телефон молчит, всё равно кажется, что сейчас позвонят.

— Положи его на полку и занимайся своим делом, — предложил я.

— Легко сказать. — Илья поглядел в сторону куртки, где лежал телефон. — Вдруг что-нибудь важное?

— А сегодня хоть раз звонили? — Я отодвинул пакет печенья к Мишке.

— Не знаю. — Илюха покосился на куртку с телефоном. — Я не проверял.

Илья потрогал карман куртки, но телефон так и не достал. Мишка молча долил ему чаю, и мы переключились на работу. Лаврову, кажется, только этого и хотелось: поговорить о ней, не отвечая никому на звонки.

Мишка рассказал про новую линию на заводе. Три недели он предупреждал начальство, что пускать оборудование без испытаний нельзя, писал письма, приносил расчёты. Линию всё равно запустили, она сломалась, и Мишку вызвали объяснять, почему он никого не предупредил. Илья отложил кружку: история заинтересовала его заметно сильнее, чем хотелось бы самому Илье.

— Приложил все семь своих писем, — сказал Миша, разливая чай. — С датами, расчётами и подписями.

— Помогло? — спросил Илья.

— Ещё как. — Мишка поставил чайник. — Теперь требуют, чтобы важные предупреждения я направлял не только письменно, но и устно.

Мы расхохотались. Миша, воодушевившись, объяснил, почему ему нравится возиться с железками: неправильно закреплённая деталь никогда не обвинит тебя в плохой презентации. Я посмотрел на мокрый тент и заметил, что железки, может, и не обвиняют, зато способны отомстить иначе. Миша вздохнул и признал, что с первым креплением сам промахнулся.

— А ты-то зачем поехал? — Илья повернулся ко мне, пока Мишка разливал чай. — В пятницу ведь почти отказался.

Я рассказал про кухонный шкаф и кран, который никак не доберусь починить. Миша заинтересовался: ему нравилось выяснять, почему человек, умеющий чинить чужую технику, мирится с собственной неисправной сантехникой.

— Постой, ты же сам этот кран ставил? — Мишка даже про печенье забыл.

— Сам.

— И он всё это время течёт? — Мишка потянулся за кружкой, не сводя с меня глаз.

— Не всё время. — Я вытер пальцы салфеткой. — Да и течёт понемногу. А дома мне хочется иногда отдыхать, представляешь?

— Вот и отдыхаешь: тащишь стул через лес. — Мишка кивнул на моё сиденье.

Посмеялись и над краном, и надо мной, затем вспомнили пару студенческих историй. В какой-то момент Илья перестал поглядывать на часы, Мишка убрал инструменты, а я понял, что давно не думаю о клиентах. Дождь всё ещё шуршал по тенту; мы пододвинули стул к столику, чтобы всем было удобнее, и продолжили разговор.

К десяти дождь ослаб. Между ветками показались звёзды, у берега плеснула рыба. Мы проверили верёвки, убрали продукты в закрытые контейнеры подальше от палаток, выключили горелку и собрались спать. Илья прочитал показания часов: за день мы будто бы выполнили полноценную тренировку. Я предложил записать дождь за воротник как отдельное упражнение. Друг уже стаскивал ботинки у входа в палатку и спорить не стал.

Двухместная палатка, конечно, была двухместной. Только производитель представлял двух человек значительно уже нас с Ильёй. Мы долго раскладывали коврики, устраивали спальники и выясняли, чьи локти кому мешают. Наконец улеглись. Илюха спросил, не пожалел ли я о поездке. Я ответил, что пока всё хорошо, но окончательное мнение составлю утром, когда проверю, не стала ли палатка меньше за ночь.

* * *

Меня разбудил металлический звон. Будто кто-то уронил ложку на камень, поднял и снова уронил. За ним послышался шорох в траве, треснула ветка. Илья спал лицом к стенке палатки. Я сел на коврике и понял, что звуки идут со стороны навеса, где оставались вещи.

— Илья, просыпайся. — Я дотронулся до его плеча. — Там кто-то ходит.

— Сейчас посмотрю. — Илья натянул спальник на плечо и отвернулся.

Я потряс его за плечо ещё раз. Илья сел, потёр лицо и прислушался. Снаружи кто-то фыркнул. Я понятия не имел, что это за зверь, но воображение успело наделить его внушительными размерами.

Илья расстегнул вход и посветил фонарём под навес, на мокрую траву, между соснами. Никого. Он выключил свет — в кустах снова зашуршало. Тут мы вспомнили о Мише: человек, прочитавший столько книг о животных, наверняка должен знать, с кем нам предстоит иметь дело.

Мишка выбрался из палатки сонный, сердитый, с застёгнутой наискось курткой и фонарём в руке. Послушал нас и перечислил возможных посетителей: заяц, лиса, енотовидная собака, иногда даже кабан. На слове «кабан» Илья попросил начать список сначала и расположить зверей так, чтобы мы успевали привыкнуть.

— Спокойно. — Мишка направил фонарь на край поляны. — Зверь, скорее всего, сам уйдёт. Продукты мы закрыли.

— Тогда кто это шуршит? — спросил я.

— Пока не знаю. — Мишка посветил под навес. — Ночью по звуку не определишь.

Мы остались у палаток, не приближаясь к кустам. Продукты были убраны, упаковки целы, под навесом ничего не валялось. Звон раздался дальше в лесу, потом опять ближе. По

мокрой траве что-то прошуршало, и мы дружно посветили туда фонарями, но увидели только стволы.

— Может, собака? — Я вспомнил вечернюю музыку. — Вчера ведь где-то играло. Вдруг тут дачи?

— Дачи далеко. — Илья поднял воротник куртки. — Я специально выбирал место без посёлков рядом.

— Над водой звук далеко слышно. — Мишка посветил в сторону берега. — Может, из другого конца озера донеслось.

Откуда шла музыка, меня сейчас мало интересовало. Мы ещё постояли возле палаток, а потом Миша велел не искать неизвестного зверя в темноте и отправляться спать. Совет оказался первым за весь день, с которым никто не стал спорить.

В палатке я долго ворочался. Стоило закрыть глаза, как каждый шорох казался шагами возле входа. Илья тоже не спал, хотя лежал неподвижно; раза два он поправил спальник, потом тихо спросил, не слышал ли я снова металлического звона.

— Слышал немного дальше. — Я отвёл край спальника от уха. — Похоже, наш гость решил прогуляться.

— Наверняка ничего опасного. — Илья снова лёг на бок, но фонарик выключать не спешил. — В этих местах крупные хищники почти не встречаются.

— Хорошо бы сообщить это тем, кто всё-таки встречается. — Я понизил голос, прислушиваясь к очередному шороху. — У тебя карта есть, на которой им запрещено ходить?

Илья попросил не острить. Из соседней палатки донёсся Мишкин голос: всё ли у нас в порядке? Мы ответили, что да, и пожелали ему спокойной ночи. Он ответил тем же. Судя по возне за стенкой, обратно в спальник он залез далеко не сразу.

Постепенно стало тихо. Я уже засыпал, когда Илья спросил, испугался ли я. Он спросил таким спокойным голосом, что мне даже стало его немного жаль.

— Нет. — Я повернулся на тесном коврике. — Просто хотел понять, кто там ходит.

— Вот и я не испугался. — Илья улёгся на спину. — Мишку разбудил на всякий случай.

— Я тебя тоже. Исключительно из научного интереса. — Я поправил спальник и наконец закрыл глаза.

Мы тихонько посмеялись и попытались уснуть. Утром Мишка уверял, что спал прекрасно. Я не стал напоминать ему о фонаре возле входа: мой собственный фонарь всю ночь лежал под рукой.

* * *

Утром туман лежал над водой, а солнечные полосы пробивались сквозь сосны. На траве блестела роса, палатки снаружи оставались влажными. Спина отзывалась на каждое движение, но настроение было хорошим. Мы поставили чайник, доели остатки хлеба и развесили тенты на просушку.

Илья показывал нам часы. Они объявили его сон отличным и сообщили о почти полном восстановлении организма. Я напомнил, как он ночью прислушивался к кустам. Илья сказал, что прибор измеряет пульс, а не разговоры; Миша хотел было объяснить, насколько неточны подобные оценки, но Илюха попросил хоть раз не спорить с техникой, которая признала его правоту.

Лагерь собрали быстро. Я сложил столик и стул, Илья занялся палаткой, Мишка — общим снаряжением. Мусор забрали с собой и на всякий случай обошли поляну. Вчерашний дождь уже вспоминался с удовольствием, а ночной зверь, судя по нашим разговорам, с каждой минутой рос и толстел.

Миша считал, что приходила лиса. Илья говорил про енотовидную собаку. Я не исключал обычного пса: уж очень характерный был звон. Но Илья напомнил, что до посёлков далеко, а Миша согласился: случайной собаке здесь взяться вроде бы неоткуда.

Возвращаться через вчерашнюю развилку никому не хотелось. На обычной карте телефона я заметил другую тропу: она огибала песчаный холм и выходила к лесной дороге. Мишка проверил компас, Илья сравнил расстояния, и мы без особых разногласий пошли вдоль берега. Через несколько минут тропа вывела на широкую дорожку со следами велосипедных шин.

— Смотри, нормальная дорога. — Я показал на велосипедные следы. — А вчера два часа среди брёвен лазили.

— Да она же ведёт куда-то. — Миша оглянулся на поворот тропы. — Ещё неизвестно куда.

— Миш, дай мне хоть раз побыть правым до конца предложения. — Я прибавил шагу.

За поворотом показался забор. Потом ещё один, с калиткой и номером участка. За ним виднелась крыша дома, возле ворот стояли детские велосипеды. Дорожка вывела нас на грунтовую улицу с фонарными столбами. Чуть дальше белела остановка, рядом с ней висела вывеска «Продукты». Мы переглянулись и остановились.

Илья открыл обычную карту и увеличил изображение. Миша раскрыл распечатку, где этих домов не было, а я обернулся к лесу. На экране значилось: садовое товарищество «Сосновый берег». До его окраины от нашей стоянки по прямой было метров триста. Мы целую ночь лежали с фонариками наготове, считая себя вдали от жилья.

— Господа, поздравляю: мы выбрались из дикой природы. — Я указал на вывеску за остановкой. — Полночи слушали зверя в трёхстах метрах от продуктового магазина.

— Не в трёхстах по дороге, — поправил Миша, бросив взгляд на карту. — По прямой.

— Ну да. По дороге, наверное, все четыреста. Безнадёжная глушь.

Илья возразил, что посёлок ничего не меняет: озеро настоящее, дождь был настоящий и ночёвка тоже. Я согласился и показал на объявление о горячем кофе в магазине. Илья объяснил, что мы заходим исключительно спросить дорогу. Через минуту он уже выбирал между американо и капучино.

За прилавком стояла женщина лет пятидесяти. Она объяснила, как пройти к парковке через водонапорную башню; Миша уточнил расстояние, Илья записал повороты. Я заказал кофе и ватрушку. Кофе был горячим, ватрушка свежей, а для их появления на столе нам не пришлось ни разводить огонь, ни спорить о правильном распределении калорий.

— Вы от озера, что ли? — Продавщица поправила поднос с булочками. — Там вчера музыка играла, праздник какой-то был. До нас слышно.

Я посмотрел на друзей. Илья старательно размешивал сахар, Миша делал вид, что занят объявлением на стене. Я тактично не стал напоминать, что слышал музыку ещё вчера и предлагал поискать поблизости дачи.

Мы уселись за пластиковый столик. По грунтовой дороге медленно проехал автомобиль, где-то работала газонокосилка, пахло свежей выпечкой. Наши рюкзаки на фоне этого воскресного утра выглядели несколько нелепо. Но кофе был хорошим, и торопиться никому не хотелось.

Из-за угла магазина выбежал коротколапый рыжий пёс с круглой мордой. Он обнюхал мои ботинки и встряхнулся. На ошейнике звякнул металлический жетон; я застыл с ватрушкой у рта. Пёс прошёл под столом, и звон повторился.

— Слушайте. — Я поставил чашку на стол и посмотрел на ошейник пса. — Звук-то знакомый?

Пёс снова встряхнулся. Миша наклонил голову, прислушиваясь, Илья уставился в кофе. Из магазина вышла хозяйка.

— Кузя! — Хозяйка хлопнула ладонью по ноге. — Опять у людей выпрашиваешь? Иди сюда!

Женщина рассказала, что Кузя любит бегать к озеру, особенно если туристы готовят что-нибудь вкусное. Вчера ушёл вечером, вернулся глубокой ночью. Пёс тем временем сел возле

Мишки и уставился на его булочку. По виду он был готов ещё раз отправиться в лес ради такой добычи.

— Вот он, наш ночной зверь. — Я отодвинул от Кузи бумажный пакет с выпечкой. — Наиболее опасен для колбасы.

— Мы же его не видели, — возразил Мишка, прислушиваясь к звону жетона. — Вдруг не он?

— Ну конечно. — Я кивнул на ошейник. — Где-то тут ходит второй зверь с таким же жетоном. Надо объявить розыск.

Миша осмотрел жетон и вынужден был согласиться, что звон тот самый. Добавил, правда, что доказательств присутствия именно Кузи в нашем лагере всё равно нет. Я решил не добиваться признания: пёс был явно голоден, а у нас оставалось достаточно других вопросов к собственной походной подготовке.

Хозяйка сказала, что от озера к магазину есть короткая дорожка через сосняк. Туристы ходят по ней постоянно, а её сын иногда возит к берегу кофе и выпечку на велосипеде, если заказ приличный. Я попросил номер магазина и сохранил его в телефоне. Илья с Мишкой тем временем уточняли дорогу к парковке и не заметили, что я занят хозяйственными делами.

За кофе Илья предложил повторить поход: он, оказывается, давно так не отдыхал. Миша потребовал в следующий раз свериться не только с туристическими тропами, но и с обычной картой. Я посмотрел на друзей, вспомнил вечер у озера и наш разговор под дождём. Поехать ещё раз мне вдруг захотелось не меньше их, хотя ни за что бы не признался сразу.

— В следующие выходные опять поедем? — Илья подвинул к себе телефон с картой. — Только куда-нибудь подальше от дач.

— И без болота, — добавил Мишка, смахнув со стола крошки. — Я пару мест посмотрю, потом вместе выберем.

— Я не против. — Я спрятал телефон с номером магазина. — Только одно условие.

— Какое? — Илья перестал листать карту.

— Палатку в следующий раз ставим ближе к дороге. — Я показал на тропу, по которой мы вышли из леса.

— Зачем? — Мишка уставился на меня. — Мы же хотели подальше от людей.

— Чтобы мальчишке с кофе не пришлось далеко ехать. У него ведь тоже выходной.

Порядочный человек

Павел Андреевич Корнеев слыл человеком порядочным. С этим соглашались даже те, кто не считал порядочность обязательным качеством. За семнадцать лет работы в торговой фирме «Вектор» он ни разу не присвоил чужих денег, не воспользовался служебным положением и лишь однажды нагрубил подчинённому. Последнее случилось девять лет назад. Подчинённый давно уволился и переехал в другой город, но Павел Андреевич до сих пор при встрече с ним собирался бы извиниться. Встреча, к счастью для обоих, никак не складывалась.

Коллеги ценили Корнеева, руководство доверяло ему, сотрудники обращались за советом, занимали деньги и просили поменяться отпусками. Иногда ему поручали дела, с которыми вполне могли справиться самостоятельно. Павел Андреевич почти никогда не отказывал: помогать людям, особенно если помощь не требует чрезмерных усилий, он считал делом естественным. Какие усилия следует признать чрезмерными, ему за сорок три года выяснить не удалось.

В пятницу он, как обычно, явился на работу без десяти девять. Эти десять минут позволяли выпить чай, проверить почту и спокойно открыть нужные документы, пока офис не наполнился звонками и просьбами срочно посмотреть какую-нибудь бумагу. Павел Андреевич любил свою профессию. В бухгалтерии всё подчинялось правилам: если деньги ушли с расчётного счёта, они должны были куда-то поступить; если в отчёте возникало расхождение, его можно было найти. С людьми подобная система работала ненадёжно.

В то утро на столе его ждал лист бумаги с заголовком «ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ». Под ним значились три фамилии; первой — его собственная, выделенная жирным шрифтом. Напротив неё стояло: «Председатель».

Корнеев некоторое время изучал документ, пытаясь припомнить, когда успел возглавить какой-либо комитет. Накануне он занимался квартальными отчётами, во вторник разбирался с поставщиками, а в среду ходил к стоматологу. Собрание, посвящённое его общественным обязанностям, в расписание не входило.

— Доброе утро, Павел Андреевич! — Людмила Петровна вошла в кабинет, прижимая к груди сумочку и бумажный пакет с выпечкой. — А вы уже видели? Мы вчера всё решили.

Людмила Петровна работала в бухгалтерии двенадцать лет, хорошо знала своё дело и умела заставить человека почувствовать себя обязанным ещё до того, как успевала о чём-нибудь попросить. Она любила порядок и с равным интересом обсуждала чужие болезни, покупки и семейные неприятности.

— Что именно решили? — осторожно осведомился Корнеев.

— Как что? Юбилей Виктора Семёновича! В следующий четверг поздравляем. Мы подумали, что нужно устроить что-нибудь приличное, а не опять собираться вокруг чайника. Ресторан, подарок, цветы. Ну и программу какую-нибудь, чтобы человеку было приятно.

— Понятно, — произнёс Павел Андреевич, хотя понятнее ему не стало. — А при чём здесь я?

— Как при чём? — Людмила Петровна поставила пакет на свободный край стола и посмотрела на Корнеева с искренним удивлением. — Вы председатель!

— Это я вижу. Но почему?

— Господи, Павел Андреевич, ну кому ещё поручить такое дело? Вы у нас самый ответственный человек. Деньги собирать, ресторан оплачивать, за подарком следить. Тут нужен кто-нибудь порядочный, а то знаете, как бывает.

Корнеев знал, как бывает. Именно поэтому вне работы старался не иметь дела с общими деньгами. Одно дело — отвечать за миллионы на счёте предприятия, и другое — объяснять десятку коллег, почему подарочный сертификат стоил на двести рублей дороже обещанного.

— Я, собственно, хотел на выходные уехать, — признался он. — Мы с Мариной давно собирались.

— Так никто же вас не держит! — Людмила Петровна всплеснула руками. — В четверг поздравляем, а выходные у вас свободные.

— В эти выходные. Завтра.

— Ах, вот оно что.

Людмила Петровна нахмурилась, и Павел Андреевич с надеждой решил, что его сейчас освободят от почётной обязанности. Она, однако, обдумывала не замену председателя, а то, какие дела он успеет выполнить до отъезда.

— Ну тогда придётся сегодня хотя бы с рестораном определиться. И деньги начать собирать, — заключила Людмила Петровна. — А в остальном мы вам поможем. Конечно, поможем. Мы же не звери.

В дверях появился Сергей Климов, сотрудник отдела закупок, работавший в «Векторе» третий месяц. Он держал папку с договорами и выглядел человеком, который пришёл по делу и намерен поскорее к нему приступить.

— Павел Андреевич, доброе утро. У меня акт сверки от «Монолита». Посмотрите, пожалуйста, у нас по августовской поставке сумма не сходится.

— Давайте, Сергей. Сейчас посмотрим.

— О, комитет. — Климов положил папку на стол и кивнул на лист с фамилиями. — А что организуем?

— День рождения Виктора Семёновича, — сообщила Людмила Петровна. — Павел Андреевич у нас председатель.

— Поздравляю. А вы согласились?

— Сергей, ну что за вопрос? — перебила Людмила Петровна, едва Корнеев открыл рот. — Конечно, согласился. Мы ведь своего главного бухгалтера знаем. На него всегда можно положиться.

— Я не сомневаюсь. Просто обычно человека сначала спрашивают.

Павлу Андреевичу понравилась прямота Климова. Он и сам считал неправильным распределять обязанности за спиной человека и уже собирался поддержать молодого коллегу. Но Людмила Петровна смотрела с таким доверием, что отказаться сейчас значило бы как будто обмануть её. А Корнеев очень не любил обманывать.

— Да ничего страшного, Сергей, — сказал он. — Раз уж решили, значит, сделаем. Не чужие люди всё-таки.

— Ну вот! — обрадовалась Людмила Петровна. — Я же говорила. Золотой человек!

Людмила Петровна забрала пакет с выпечкой и отправилась пить чай, оставив после себя запах ванили и комитет, председатель которого испытывал смешанные чувства. Климов сел напротив, раскрыл папку и указал на строку с расхождением.

— Зря вы согласились, Павел Андреевич. Теперь всё на вас повесят.

— Да ладно вам. Люди попросили помочь. Не отказывать же из принципа.

— Почему из принципа? Можно просто не иметь времени.

Корнеев поморщился. В рассуждениях Климова слышалось что-то легкомысленное: человек получил ответственное поручение, а теперь ему предлагали относиться к этому как к обычному вопросу свободного времени.

— Понимаете, Сергей, есть вещи, которые приходится делать независимо от собственного желания.

— Конечно. Налоги платить, например.

— Не только.

— Наверное, — согласился Климов и придвинул акт. — Так что у нас с поставкой?

Корнеев счёл разговор доказательством недостаточной жизненной зрелости собеседника. В тридцать четыре года многое представляется простым, особенно когда за решение трудных вопросов привычно берётся кто-то другой. Климов, между тем, уже изучал акт сверки.

К обеду Людмила Петровна собрала деньги с семи сотрудников. Двое обещали перевести вечером, один ждал зарплаты, ещё один не определился, насколько сильно уважает директора. С последним предстояло поговорить Корнееву: по мнению Людмилы Петровны, отказ сдавать деньги обычно объяснялся недостаточной разъяснительной работой.

Климов предложил обзвонить рестораны и узнать условия. Павел Андреевич согласился, оговорив, что окончательное решение и расчёт оставляет за собой. Ответственность он предпочитал не делить, хотя обязанности охотно делились без его участия.

К шести вечера в блокноте Корнеева появились список гостей, предварительный бюджет, несколько подарков на выбор и фамилия сотрудника, категорически возражавшего против живой музыки. Только до Марины он так и не дозвонился: вернее, за весь день не нашёл минуты набрать её номер и предупредить, что семейные планы придётся менять.

* * *

Марина Викторовна встретила мужа на кухне. На столе лежали ключи от машины, два дождевика и распечатанное подтверждение бронирования небольшого гостевого дома у озера. Варвара сидела рядом, ела яблоко и пыталась убедить мать, что в октябре совершенно необязательно брать с собой тёплые носки.

— Пап, скажи ей, — попросила дочь. — Мы на два дня едем, а не зимовать в тайгу.

— Мама дело говорит, — машинально отозвался Корнеев, снимая пиджак.

— Вот поэтому я и хотела сначала услышать твоё мнение.

— Ты поздно. — Марина сдвинула дождевики в сторону. — Опять отчёты?

— Не совсем. У нас тут небольшое мероприятие намечается.

— Какое?

Павел Андреевич налил воды и обстоятельно рассказал о решении коллектива: нужны ресторан, подарок, цветы, ведущий, сбор денег. Объяснял он так, словно докладывал о стихийном бедствии, последствия которого уже взялся устранять. Единственное обстоятельство он обошёл стороной: согласия возглавить комитет у него не спрашивали.

— И поэтому ты остаёшься? — уточнила Марина.

— Марин, я не говорю, что совсем не поеду. Может, завтра ближе к вечеру подъеду. Надо хотя бы с основными вопросами разобраться.

— А что мешало разобраться с ними на работе?

— Я только сегодня узнал.

— И сразу согласился?

— Ну не мог же я всех подвести.

— Паша, а нас ты, значит, можешь? — Марина перевела взгляд с распечатки бронирования на мужа.

Корнеев почувствовал раздражение. Ему хотелось, чтобы жена наконец оценила трудность его положения, а не задавала вопросы, на которые он сам с утра безуспешно пытался ответить.

— Я не собираюсь никого подводить. Вы спокойно поезжайте, отдыхайте. Машину возьмёте. А я постараюсь приехать.

— Угу, — произнесла Варвара. — Если твой директор разрешит.

— Варя, не начинай. Виктор Семёнович вообще ничего не знает. Мы сюрприз готовим.

— Тогда тем более странно. Он тебя даже не просил.

Корнеев отложил стакан. Дочь была удивительно точна в выборе выражений, которые задевали его сильнее всего. А ведь могла бы для начала поинтересоваться, насколько тяжело приходится отцу.

— Ты ещё маленькая, чтобы понимать такие вещи. Есть коллектив, есть определённые обязательства. Нельзя думать только о себе.

— Ладно, Паша. — Марина остановила собиравшуюся возразить Варвару движением руки. — Мы поедем вдвоём. Только мне интересно: когда у нас в прошлый раз была похожая ситуация, ты тоже объяснял, что нельзя думать только о себе. Помнишь, когда Аркадию гараж помогал разбирать?

— Это совсем другое.

— Конечно. Тогда мы собирались к моим родителям, а сейчас хотели провести выходные вместе.

— Марина, ну что ты всё сводишь к семейным обидам? Люди на меня рассчитывают.

— А мы?

У Корнеева нашёлся ответ, но произнести его означало бы окончательно испортить вечер. Он был убеждён, что близкие должны понимать его лучше посторонних, а потому и терпимее относиться к неожиданным обязательствам. Пока он подбирал слова, Марина убрала со стола ключи.

— Знаешь, Паша, иногда мне кажется, что ты не умеешь различать две вещи: когда люди на тебя рассчитывают и когда им просто удобно, что ты не отказываешь.

— Ты хочешь сказать, что мной пользуются?

— А ты уверен, что нет?

Корнеев встал из-за стола и одёрнул рубашку. Разговор поворачивал туда, куда ему совсем не хотелось, и возражения жены было трудно опровергнуть обычными рассуждениями о долге.

— Значит, по-твоему, нужно всем отказывать? Жить только для себя? Очень удобная философия.

— Я этого не говорила.

— Но именно к этому всё и сводится.

Марина вернулась к сборам. Варвара доела яблоко, выбросила огрызок и ушла к себе, не желая участвовать в споре, где каждый взрослый заранее знал, что прав.

Павел Андреевич ещё постоял на кухне. Он целый день занимался чужими заботами, взял на себя хлопотное дело, ничего не попросил взамен, а дома получил выговор. Марина, по его мнению, даже не попыталась поставить себя на место мужа; о том, как выглядела ситуация с её стороны, Корнеев предпочёл не размышлять.

* * *

В субботу Марина с Варварой уехали к озеру в половине десятого. Дочь заняла переднее сиденье, проверила зарядку для телефона и велела матери не забыть про музыку; Павел Андреевич остался у подъезда с ключами от квартиры в руке.

Он надеялся, что жена хотя бы напоследок предложит ему передумать. Марина вместо этого попросила выключить утюг, если он станет гладить рубашки, и тронулась с места. Корнеев ещё несколько секунд смотрел вслед машине, хотя ничего полезного от этого занятия не ожидал.

Корнеев вернулся в квартиру, поставил чайник и открыл блокнот с приготовлениями к празднику. За ночь список задач не стал короче. Требовалось уточнить число гостей, выбрать ресторан и решить вопрос с подарком. Павел Андреевич позвонил Людмиле Петровне, но та не ответила. Во втором звонке тоже не было успеха. Лишь через полчаса пришло сообщение, в котором коллега объясняла, что находится на даче и сможет обсудить организационные вопросы в понедельник.

Корнеев дважды перечитал ответ. Людмила Петровна ещё вчера горячо настаивала на необходимости поздравить руководителя как следует, а теперь спокойно проводила выходной на даче. Слова «в понедельник обсудим» показались ему почти вызывающими.

Он собирался ответить, когда позвонили в дверь. На площадке стоял Аркадий Михайлович в спортивных брюках, куртке и любимой футболке «Победителей не судят». Сосед надевал её по выходным независимо от погоды. Павел Андреевич подозревал, что побед у Аркадия было меньше, чем поводов сообщить о них окружающим.

— Паша, здорово! — обрадовался Аркадий. — Слушай, ты занят?

— Вообще-то да. А что случилось?

— Да пустяки. Надо холодильник помочь перевезти. Там всего-то донести до машины и поднять на третий этаж. Минут двадцать, не больше.

— Аркадий, я сегодня хотел дела доделать.

— Какие дела в субботу? Ты же выходной! Я бы сам управился, но холодильник, зараза, широкий. Вдвоём сподручнее.

Павел Андреевич посмотрел в блокнот, где значилось «выяснить музыкальные предпочтения директора». Поручение серьёзное, но не настолько срочное, чтобы позволить соседу в одиночку таскать тяжёлый холодильник.

— Ладно, — согласился он. — Только ненадолго.

— Вот за это я тебя и уважаю! — Аркадий хлопнул его по плечу. — Настоящий друг. Скажешь кому другому — ещё торговаться начнёт, будто я ему холодильник продать пытаюсь.

Холодильник оказался старым двухкамерным агрегатом, вес которого, по мнению Корнеева, противоречил назначению бытовой техники — облегчать жизнь. Спускать его пришлось по узкой лестнице. На втором пролёте обнаружили неотсоединённый шнур, на первом распахнулась незакреплённая дверца. К машине Павел Андреевич добрался вспотевшим, с ушибленным локтем и стойкой неприязнью к инженерным решениям прошлого века.

В новом доме лестница показалась Корнееву длиннее прежней, хотя подъезд имел всего три этажа. На площадке выяснилось, что холодильник не проходит в дверной проём. Аркадий предложил снять дверцу, затем они искали отвёртку у соседей, а когда наконец внесли агрегат на кухню, обнаружили, что для него надо передвинуть шкаф. Павел Андреевич передвинул и шкаф; отступать перед последним препятствием после двух лестниц было бы уже глупо.

Когда работа наконец закончилась, хозяева предложили выпить чаю. Корнеев посмотрел на часы и обнаружил, что прошло два часа сорок минут. Он собирался отказаться, но Аркадий с такой радостью объявил, что теперь непременно надо отметить успешный переезд, что уходить сразу показалось невежливым.

Домой Павел Андреевич вернулся ближе к трём. Руки болели, рубашка пропахла чужой квартирой, а на предплечье красовалась внушительная царапина. Он принял душ, переоделся и только собрался заняться делами, как Аркадий прислал сообщение:

«Паш, спасибо огромное! Выручил как всегда. Если что понадобится — обращайся».

Корнеев прочитал благодарность с удовольствием. Аркадий ничего не обещал сверх обычного соседского «обращайся», зато не забыл написать сразу, едва Павел Андреевич вернулся домой. От этого и боль в руках казалась терпимее.

Жена, пожалуй, напрасно подозревала Аркадия в чрезмерной бесцеремонности. Сосед всегда благодарил за помощь и наверняка выручил бы в ответ. Корнеев задумался, когда именно ему самому требовалась помощь Аркадия, и не припомнил такого случая.

Ближе к вечеру Марина прислала фотографии. На одной Варвара стояла возле озера в огромных резиновых сапогах и держала пойманную рыбу, которой, по её собственному выражению, было стыдно показываться другим рыбам. На другой Марина сидела у окна гостевого дома с чашкой кофе. За стеклом виднелись мокрые сосны и деревянная пристань.

«Тут хорошо, — написала жена. — Дождь почти закончился. Завтра пойдём гулять вокруг озера».

Павел Андреевич долго рассматривал фотографии. Вначале он хотел ответить, что рад за них. Потом собирался пожаловаться на тяжёлый день. В конце концов написал: «Отдыхайте. У меня тоже всё нормально».

Он не солгал: дома было спокойно, никто не нуждался в помощи. И всё же к списку организационных дел возвращаться не хотелось.

Павел Андреевич сделал бутерброд, включил телевизор и принялся мысленно объяснять Марине, почему не мог отказать соседу. Человек оказался в затруднительном положении, просьба была пустяковая, а отказывать только ради собственного удобства — разве это по-дружески? В голове выстраивались убедительные доводы, за каждым возникал новый. Через полчаса Корнеев уже вполне выиграл спор, хотя присутствие второй стороны сделало бы победу куда приятнее.

В воскресенье он обзвонил несколько ресторанов. В первом не нашлось нужного количества мест, второй требовал депозит больше собранной суммы, третий обещал ответить лишь вечером. Корнеев записал результаты и составил для понедельника ещё один список вопросов.

Семья вернулась около восьми. Варвара привезла два камня, которые, по её словам, были совершенно разными, хотя Павел Андреевич не сумел обнаружить между ними принципиальных отличий. Марина выглядела уставшей, но довольной. Она рассказывала о прогулке, небольшом кафе возле пристани и хозяине гостевого дома, который оказался бывшим моряком и за завтраком развлекал гостей историями о дальних плаваниях.

— Тебе бы понравился, — заметила она. — Очень интересный человек. Полчаса рассказывал, как они в шторм лишились шлюпки.

— Хорошо, что всё обошлось, — сказал Корнеев.

— Пап, он перед нами сидел, — заметила Варвара. — Было бы странно, если бы не обошлось.

За ужином Корнеев рассказал о помощи Аркадию, не пропустив ни узкого пролёта, ни дверцы, которую пришлось снимать. Марина сочувственно оглядела его локоть, но вместо ожидаемого восхищения спросила, удалось ли подготовить праздник. Пришлось признать, что главные вопросы он так и не решил.

— Тогда получается, ты из-за него остался дома зря? — спросила Варвара.

— Не из-за него, а из-за необходимости выполнить определённые обязательства.

— А выполнил?

— Варвара, — вмешалась Марина, — оставь отца в покое.

Варвара пожала плечами и взялась за ещё один бутерброд. Павел Андреевич был благодарен жене за вмешательство, хотя вопросы дочери продолжали вертеться в голове.

Ночью Корнеев долго лежал без сна. Рядом ровно дышала Марина, на улице проезжали редкие машины, а он считал, сколько дел успел сделать за выходные. Ни одно из них, кроме перевозки холодильника, не требовало его присутствия именно в субботу. И тут ему почему-то понадобилось вспомнить, когда он в последний раз отказал кому-нибудь в просьбе.

В памяти обнаружились два случая. Коллеге он не дал в долг, потому что сам ждал зарплаты. Соседке не позволил оставить у них кошку: у Варвары аллергия. В обоих эпизодах решение, по существу, уже было принято за него обстоятельствами. Других примеров Корнеев не нашёл, сколько ни перебирал знакомые лица и разговоры.

Он повернулся на бок. Всю жизнь Корнеев считал себя самостоятельным человеком, но значительную часть его свободного времени, похоже, распределяли люди, которые даже не подозревали о подобной власти. Это следовало изменить. Павел Андреевич ещё немного поразмышлял, с чего начать, и решил не принимать важных решений среди ночи: до понедельника оставалось совсем недолго.

* * *

В понедельник Корнеев пришёл на работу с намерением изменить привычный порядок вещей. Становиться грубияном и отказывать всем подряд он не собирался. Достаточно было сперва разобраться, где людям действительно нужна помощь, а где они просто предпочитают, чтобы работу выполнили за них.

Новое правило показалось ему настолько разумным, что он одобрил себя ещё по дороге к офису. К десяти утра Корнеев уже дважды поступил вопреки ему.

Людмила Петровна попросила найти расхождение в отчёте, который могла проверить сама, а из отдела продаж позвонили узнать номер договора из общей папки. Павел Андреевич разобрался и с тем и с другим прежде, чем успел вспомнить собственное утреннее решение.

Он посидел над отчётом, разглядывая цифры, и утешился тем, что многолетние привычки не исчезают за один понедельник. Главное — вовремя заметить, когда ими пользуешься.

Ближе к обеду появился Виктор Семёнович Белкин. Директору в четверг исполнялось пятьдесят три года; у него была крепкая фигура, борода с проседью и слабость к дорогим авторучкам. С подчинёнными он держался добродушно, что ничуть не мешало ему требовать невозможного, если вопрос казался срочным.

— Павел Андреевич, добрый день. Как наши дела? — спросил Белкин, хотя пришёл, разумеется, не за этим.

— Работаем, Виктор Семёнович. По платежам всё в порядке, сегодня закроем сверку с «Монолитом».

— Отлично. Слушайте, тут ещё одно дело. Надо оригиналы договора в «Гарант-Строй» отвезти. Они опять курьера не прислали. Может, Сергей съездит?

Климов проходил мимо открытого кабинета, услышал своё имя и остановился. Он заглянул внутрь, оторвавшись от расписания в телефоне.

— Что нужно, Виктор Семёнович? — спросил Климов.

— Оригиналы договора в «Гарант-Строй» отвезти. Желательно сегодня, — пояснил Белкин.

— Сегодня не получится. — Климов посмотрел на расписание в телефоне. — У меня два коммерческих предложения на согласовании и встреча с поставщиком в три. Завтра утром отвезу, если подойдёт. Или можем курьера вызвать.

— Да там ехать-то полчаса.

— В одну сторону. А договор им сегодня не нужен, они сами просили к среде.

— Ну тогда завтра. Только не забудьте, — согласился Белкин, подумав и ещё раз взглянув на бумаги.

— Поставлю в расписание.

Климов ушёл, а Корнеев ещё смотрел ему вслед. Весь разговор занял минуту, начальник не обиделся, подчинённый не оправдывался, договорились на завтра. Павлу Андреевичу показалось, что он пропустил какую-то обязательную часть служебного общения.

Сам Корнеев привык считать отказ событием, требующим объяснений и последующих примирительных действий. Здесь же оба собеседника разошлись так спокойно, будто обсуждали погоду. За обедом Павел Андреевич подсел к Климову, чтобы разобраться в непривычном способе обращаться с начальством.

— Сергей, а вам не кажется, что Виктор Семёнович мог обидеться?

— На что?

— Ну, вы отказались ехать с документами.

— Я предложил отвезти их завтра.

— Всё равно. Он ведь рассчитывал на вас.

— Павел Андреевич, а вы зачем берёте на себя чужие переживания? — Климов отложил вилку. — Если Виктор Семёнович обидится, он мне скажет. Мы с ним тогда и поговорим.

— Дело не в переживаниях. Просто нужно учитывать отношение людей.

— Учитываю. Поэтому и не обещаю того, чего не успею.

Корнеев хотел возразить, что служебными обязанностями человеческие отношения не исчерпываются, но Сергей уже вернулся к обеду. По его виду нельзя было сказать, что вопрос испортил ему аппетит. Павлу Андреевичу оставалось продолжить спор про себя.

Во второй половине дня Корнеев случайно увидел, как Климов помогает молодой сотруднице отдела продаж с таблицей закупочных цен. Сергей закончил собственные дела, подошёл к её компьютеру, поправил формулы и вернулся за свой стол. Никто ничего не требовал взамен, не произносил слов о взаимовыручке и не собирался обсуждать произошедшее на собрании коллектива.

Павел Андреевич смотрел из своего кабинета на Климова, который одинаково спокойно отказывал и помогал, а окружающие относились к этому как к совершенно обычному поведению. Вечером Корнеев решил обсудить наблюдение с женой.

— Представляешь, он начальнику прямо сказал, что не поедет! И ничего. Виктор Семёнович даже не обиделся.

— А почему должен был? — Марина, разбиравшая продукты, пожала плечами.

— Вот и я теперь думаю — почему?

— Давно пора.

Замечание Марины задело его. Он хотел поделиться открытием, а она ответила так, словно знала всё заранее. Корнеев не стал спорить и ушёл в комнату, где нашёл чистый лист.

Наверху он вывел: «Не соглашаться автоматически. Сначала подумать». Ниже после недолгого размышления дописал: «Не считать отказ проявлением непорядочности».

Лист Корнеев аккуратно сложил вчетверо и спрятал в нагрудный карман пиджака. Письменные обязательства он любил: особенно те, в выполнении которых пока никому не приходилось отчитываться.

* * *

Во вторник он проснулся раньше будильника. Снилось, будто на общем собрании Корнеев решительно отказывается возглавить новый комитет. Сотрудники молчат, потом аплодируют, а Белкин вручает ему грамоту за принципиальность. Сон оставил приятное впечатление; наяву Павлу Андреевичу грамот за отказы ещё не вручали.

За завтраком Марина заметила его приподнятое настроение и спросила, не ожидается ли повышение. Корнеев ответил, что решил кое-что изменить в жизни, но подробности раскрывать не стал. Хотелось сначала добиться результата, а уже потом сообщить о нём семье.

Случай представился около одиннадцати. Людмила Петровна вошла с папкой и тем выражением лица, с которым обычно сообщала о срочной неприятности, устранить которую почему-то предстояло Павлу Андреевичу.

— Павел Андреевич, выручайте. Мне сегодня нужно пораньше уйти, а тут ещё реестр возвратов остался. Посмотрите, пожалуйста, пока меня не будет.

Корнеев пролистал реестр возвратов. Работы было на полчаса, если не обнаружатся ошибки; Людмила Петровна и сама прекрасно умела заполнять такие документы. Просто сейчас ей удобнее было оставить папку на его столе.

— А что случилось? — спросил он.

— Да в МФЦ надо успеть. Уже неделю собираюсь. Сегодня запись на половину пятого, а ехать через весь город. Вы же знаете, как там бывает: опоздаешь на пять минут — считай, зря приехала.

В обычный день на этом разговор закончился бы: Корнеев взял бы реестр, коллега поблагодарила, а вечером он задержался бы на работе с приятным сознанием исполненного долга. Но в нагрудном кармане лежал сложенный листок.

До конца рабочего дня оставалось достаточно времени. Если Людмила Петровна отложит обсуждение фотографий внука и успеет закончить реестр к трём, ей ничто не помешает отправиться в МФЦ. Павел Андреевич положил папку на край стола.

— Нет, Людмила Петровна, — произнёс он.

— Что нет? — Людмила Петровна, кажется, не сразу поняла смысл сказанного.

— Не смогу взять ваш реестр.

— Почему?

Павел Андреевич готовился к трудностям, но не предусмотрел необходимости оправдывать желание заниматься собственной работой. Документы у него на столе лежали вполне реальные; он мог бы перечислить их все до единого. Однако этим превратил бы обычный отказ в просьбу о разрешении.

— У меня другие дела. Срочные.

— Какие?

Корнеев уже собирался назвать платежи, отчёт и сверку с поставщиками, но вовремя остановился. Перечень собственных обязанностей не обязан был служить пропуском к праву сказать «нет».

— Служебные, — ответил он, стараясь говорить спокойно. — Реестр вы успеете закончить самостоятельно.

— Павел Андреевич, да я же вас не на картошку зову! — Людмила Петровна посмотрела на него так, словно он объявил о намерении немедленно уволиться и уехать за границу. — Полчаса работы.

— Вот и сделайте за полчаса.

Последняя фраза прозвучала резче, чем рассчитывал Корнеев. У него запылали щёки, словно он только что поссорился с коллегой при свидетелях.

— Ну ладно. Раз такое дело, попробую сама. — Людмила Петровна вздохнула, забрала папку и отправилась к себе.

Когда дверь закрылась, Корнеев несколько минут сидел над документами, так и не взявшись за работу. Ему казалось, будто за семнадцать лет он впервые испортил отношения с коллегой, которая привыкла на него рассчитывать.

Он несколько раз прислушивался к голосам за стеной, ожидая обсуждения собственной черствости. Но Людмила Петровна разговаривала по телефону только об очередях в МФЦ и необходимых справках. В половине четвёртого она снова заглянула к Корнееву.

— Павел Андреевич, я реестр закончила. Посмотрите завтра, когда время будет. Всё, побежала, а то опоздаю.

— Хорошо, Людмила Петровна. До свидания.

— До завтра!

Людмила Петровна ушла в обычном настроении, успев пожелать хорошего вечера. Корнеев проводил её взглядом. Он несколько дней готовился к отказу, представлял обиды и упрёки, а коллега просто закончила свою работу и отправилась по делам.

Досаднее всего было то, что она даже не оценила его усилий. Могла бы заметить, насколько непросто ему пришлось, признать его право на личные границы или хотя бы похвалить за решительность. Впрочем, тогда Павел Андреевич, вероятно, остался бы вполне доволен своим первым опытом.

Он попробовал вернуться к отчётам, но обнаружил, что продолжает ждать чего-то от уже закончившегося разговора. Отказал, никто не обиделся, а торжествовать почему-то не над чем.

Вечером он рассказал о случившемся Марине. Жена выслушала его, не отрываясь от чистки картофеля.

— Ну и правильно сделал, — сказала она. — Если Людмила Петровна могла закончить сама, зачем тебе брать её работу?

— Понимаешь, раньше я бы обязательно согласился.

— Знаю.

— А сегодня отказал. Причём совершенно спокойно.

— Паша, ты уже минут десять рассказываешь, как спокойно отказал. — Марина посмотрела на него поверх очков. — По-моему, это далось тебе не так просто.

Корнеев собирался возразить, но передумал. На кухонном столе лежала очищенная картошка, Марина устала после работы, а он уже десять минут требовал, чтобы она разделила радость от его первого отказа.

Тем вечером Климов прислал письмо с вариантами ресторанов. В одном обещали небольшой зал на двенадцать человек по приемлемой цене; администратор была готова держать предварительную бронь до полудня среды. Требовалось уточнить количество гостей и перечислить задаток.

Климов указал телефон администратора, приложил счёт и отдельно выделил срок. Корнеев ответил: «Спасибо, Сергей. Всё получил. Завтра подтвержу».

Он внёс звонок в ежедневник и поставил напоминание на половину двенадцатого. Пропускать такие дела Павел Андреевич не любил: у него всегда находилось несколько разумных доводов, почему всё должно быть сделано вовремя.

* * *

В среду утром Аркадий Михайлович попросил на пару часов машину: нужно было забрать доски из строительного магазина. Корнеев привычно собрался согласиться, но вспомнил о записке в кармане.

— Аркадий, извини, сегодня не получится.

— А что такое? Сам куда-то едешь?

— Нет. Просто машина мне может понадобиться.

— А, понял. — Сосед немного помолчал. — Да не вопрос, Паш. Я тогда у Володьки спрошу. Ты, кстати, как? Рука зажила? А то холодильник тот, чёрт бы его побрал, ещё неделю вспоминать буду.

Корнеев заверил соседа, что с рукой всё в порядке. Они ещё немного поговорили о новом магазине у дома и распрощались вполне дружелюбно.

Аркадий удивительно легко обошёлся без машины Корнеева: достаточно было позвонить Володьке. Павел Андреевич даже немного обиделся. Прежние просьбы соседа, ради которых он не раз менял планы, внезапно перестали казаться вопросами жизни и смерти.

На работе Корнеев посоветовал сотруднику отдела продаж с личной банковской картой обратиться в банк, а разговор о коммунальных бедах Людмилы Петровны перенёс на обед. Когда Белкин попросил ещё одну справку, Павел Андреевич уточнил сроки и выяснил, что она нужна только к понедельнику. Раньше справка уже лежала бы перед директором к вечеру среды.

К одиннадцати Корнеев был доволен собой: никто не поссорился, работа шла, а чужие просьбы перестали казаться обязательными к немедленному исполнению. Он успел разобрать накопившуюся почту и вернулся к рабочим задачам.

В одиннадцать двадцать он занялся платежами. У одного из поставщиков обнаружилась ошибка в реквизитах, пришлось связаться с менеджером, запросить исправленный счёт и согласовать изменения. Во время телефонного разговора на экране компьютера появилось напоминание: «Ресторан. Подтвердить бронь до 12:00».

Корнеев щёлкнул крестик уведомления: хотелось закончить разговор с менеджером, а потом спокойно позвонить администратору. Напоминание исчезло с экрана, но не из его намерений.

Менеджер прислал документ с прежними реквизитами; пришлось снова запрашивать исправленный вариант, а ближе к полудню Белкин вызвал его обсудить задержку платежа от

крупного покупателя. Павел Андреевич отправился к директору, оставив на столе открытый ежедневник.

В кабинет он вернулся без четверти час. За это время срок предварительной брони истёк, хотя сам Корнеев об этом не подумал. Он погрузился в отчёты и вспомнил про ресторан, лишь когда вечером собрался выключать компьютер.

Было двадцать минут седьмого. Павел Андреевич достал телефон, однако номер ресторана так и не набрал. Наверняка столы никуда не делись за несколько часов, убеждал он себя; с утра всё можно будет спокойно оформить.

Прежде он остался бы на работе и начал искать администратора, чтобы непременно всё довести до конца. Теперь Корнеев учился не задерживаться без необходимости. К тому же лишний звонок вечером вряд ли что-нибудь изменил бы — во всяком случае, именно так он решил.

По дороге домой он купил Марине любимый сыр, Варваре шоколадку, а себе квас. Покупки окончательно убедили его, что вечер складывается удачно. В прихожей дочь встретила отца непривычно ласково.

— Пап, а можно тебя кое о чём попросить?

Корнеев насторожился: в последнее время любая ласковая просьба казалась ему прелюдией к дополнительным обязанностям. Он поставил пакеты на табурет в прихожей.

— Смотря о чём.

— Мне надо объяснительную в школу.

— Что случилось?

— Да ничего особенного. Мы с девчонками вчера с геометрии ушли. Нам к выступлению готовиться надо было, а репетицию перенесли.

— А учительница?

— Ну она, естественно, не обрадовалась.

— Так и напиши, что ушли на репетицию.

— Пап, нам сказали, что нужна записка от родителей. — Варвара поморщилась. — Напиши, что я плохо себя чувствовала. Один раз всего.

— Варя, ты предлагаешь мне соврать учителю? — Павел Андреевич повернулся к дочери.

— Не соврать, а объяснить причину.

— Причина в том, что ты самовольно ушла с урока.

— Господи, пап, можно подумать, ты никогда ничего такого не делал!

— Делал, — признался Корнеев. — И получал за это замечания. Но я не собираюсь подписывать заведомую ложь.

Варвара принялась спорить: репетицию перенесли, выступление близко, геометрия никуда не денется, а у всех остальных родители относятся к таким запискам проще. Павел Андреевич терпеливо слушал, пока она не повторила третий раз, что никто от одной объяснительной не пострадает.

Отказ дочери давался ему значительно легче, чем коллегам. Здесь не требовалось придумывать оправдания: Варвара просила подписать заведомую неправду, а на это у него был готовый ответ. Труднее было признать, что отвечал он уже не как отец, которому надо помочь дочери, а как председатель давно несуществующей комиссии.

— Завтра пойду к классному руководителю, если нужно, — сказал он. — Объясним ситуацию. Но писать, что ты болела, не стану.

Варвара ушла к себе, на прощание выразительно вздохнув. Марина, которая слышала разговор из кухни, дождалась, пока дочь закроет дверь, и подошла к мужу.

— Правильно сделал. Хотя мог бы и помягче.

Корнеев благодарно улыбнулся. В последние дни его чаще спрашивали, почему он поступил так или иначе, чем хвалили; слова Марины пришлись кстати.

— Видишь, я ведь не отказываю людям просто так. Есть вещи, которыми нельзя поступаться.

— Знаю, Паша. Только Варе сейчас не лекция нужна, а помощь. Пусть сама объяснит учительнице, зачем ушла. А ты поддержи, если всё действительно было из-за репетиции.

Он согласился и вечером заглянул к Варваре. Дочь сидела над геометрией и так старательно не замечала отца, что тот несколько секунд искал повод начать разговор.

— Варя, я завтра могу поговорить с учительницей, если хочешь. Только правду скажем.

— Ладно. — Дочь вздохнула. — Я сама поговорю.

— Вот и хорошо.

— Пап?

— Да?

— А можно ты хотя бы иногда будешь просто папой, а не комиссией по нравственности?

Корнеев рассмеялся, а затем постучал пальцем по дверному косяку и пообещал не выступать перед ней с докладами без особого приглашения. Варвара, уже склонившаяся над тетрадью, подняла в ответ большой палец.

* * *

В четверг утром Климов позвонил в ресторан узнать подробности меню и выяснил, что предварительную бронь сняли ещё накануне: зал уже заняла другая компания. Закончив разговор с администратором, он пришёл в бухгалтерию.

— Павел Андреевич, у нас проблема с рестораном.

— Какая? — Корнеев поднял голову от компьютера.

— Бронь сняли. Вы вчера подтвердили количество гостей?

— Я собирался позвонить. Не успел. — Павел Андреевич почувствовал неприятный холодок в животе.

— Там же до двенадцати держали. — Климов посмотрел на него. — Я вам в письме написал.

— Помню, Сергей. Но вы же понимаете, работы было много. Думал, сегодня успею договориться.

— Я только что разговаривал с администратором. Зал занят.

— Может, другое место поискать? — предложил Корнеев, когда они немного помолчали.

— Я уже смотрю. Но сегодня четверг. На вечер двенадцать мест найти будет трудно, тем более за такие деньги.

Павел Андреевич открыл письмо от вторника. Срок подтверждения был выделен отдельно, условия изложены ясно; нельзя было даже утешиться мыслью, будто Сергей о чём-то умолчал. Корнеев закрыл письмо и взглянул на коллегу.

— Ладно, Сергей. Давайте попробуем что-нибудь придумать.

Они ещё раз обзвонили заведения из списка, но на вечер четверга свободного зала для двенадцати человек за собранные деньги не нашлось. Предложение в одном ресторане оказалось дороже почти вдвое, в другом обещали посадить гостей за разными столиками; приглашать людей в полупустой зал на окраине Климов решительно отказался.

Около полудня сотрудники собрались в переговорной. Корнеев принёс блокнот, Людмила Петровна — список расходов, Климов — распечатку запасных вариантов. Первые минуты обсуждали, где можно разместиться, но вопрос о том, кто упустил бронь, возник сам собой.

— Я одного не понимаю, — говорила Людмила Петровна. — Мы же ещё в понедельник договорились, что Сергей занимается рестораном. Почему до последнего дня дотянули?

— Я занимался поиском, — ответил Климов. — Нашёл вариант, согласовал условия и передал Павлу Андреевичу. Подтверждать бронь должен был он.

— Ну так можно было проконтролировать! — возмутилась она. — Вы же молодой человек, с техникой на «ты». Позвонить лишний раз трудно, что ли?

— Людмила Петровна, я во вторник отправил письмо. Павел Андреевич подтвердил, что получил.

— Письмо! — Она развела руками. — Вы бы ещё голубя почтового отправили. У нас праздник сегодня, а не через месяц!

— Что у вас случилось? — Белкин, заинтересовавшийся шумом, заглянул в переговорную. — Я думал, вы тут с поставщиками вопрос решаете.

Сотрудники переглянулись. Все приготовления держались втайне от директора, а теперь сюрприз погибал на глазах его предполагаемого получателя.

Людмила Петровна поспешно объяснила Белкину, что коллектив собирался его поздравить, но столкнулся с трудностями при бронировании. Директор выслушал это с неподдельным недоумением.

— Ресторан? Какой ресторан?

— Мы хотели вас поздравить, Виктор Семёнович! Всё организовали, деньги собрали. Только вот некоторые товарищи подвели.

— Кто подвёл?

— Да Сергей наш. Взялся заниматься бронированием и не проследил.

— Я выполнил свою часть работы. — Климов выпрямился. — Отправил все данные Павлу Андреевичу, а подтверждать должен был он.

— Ну так почему не проследили, чтобы подтвердил? — спросил Белкин. — Если взялись за организацию, доводите дело до конца. Вы же понимаете, что это несерьёзно.

Павел Андреевич стоял у стола, сжимая блокнот. Он отлично помнил письмо Климова и напоминание, которое сам закрыл на экране компьютера. Следовало сказать об этом Белкину сейчас, не позволяя разговору зайти дальше.

Но произнести несколько слов было непросто. Он уже представлял удивление директора и коллег, а особенно неприятным казалось привычное «как же вы-то, Павел Андреевич?». Столько лет безупречной службы — и оплошность, с которой справился бы любой стажёр.

С каждым замечанием Белкина положение становилось хуже. Чтобы сохранить доброе имя, Корнееву достаточно было не вмешиваться; оправдываться и даже лгать не требовалось. До этой минуты он и не подозревал, насколько соблазнительной может оказаться чужая ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.